

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕ ЕЕ ОКОНЧАНИЯ (1939–1953)

Выборочные депортации с аннексированных территорий Польши, Прибалтики и Румынии в 1939–1941 гг.

Общепринято, что 1 сентября 1939 года, с нападения Германии на Польшу с запада, началась Вторая мировая война. 17 сентября, напад на Польшу с востока, в нее вступил и Советский Союз.

После оккупации Красной Армией в сентябре 1939 года восточных воеводств Польши, тотчас же превращенных в западные области «воссоединенных» Украины и Белоруссии, «зачистки» начались и в них. Испытать их на себе теперь предстояло польским, украинским, еврейским и прочим «националистам».

За действиями советских властей в Польше стояла мрачная двойная тень пакта Молотова–Риббентропа. По крайней мере основные контингенты на депортацию были предумышленно интернированы, иные даже осуждены; в их число входили, во-первых, пленные офицеры и солдаты (советская сторона их в качестве военнопленных не признавала), во-вторых, все жители пограничной полосы, от Вильно до Львова, а также лесники, железнодорожники, даже арестанты, в-третьих, все не успевшие скрыться «социально далекие» — воеводы, чиновники, полицейские, помещики, промышленники, торговцы. Их судили «тройки» и приговаривали к срокам от 8 до 20 лет по 54 или 58-й статье Уголовного кодекса.

Слухи же о грядущих депортациях **поляков** ходили еще с ноября 1939 года. Однако операции по их массовому выселению начались только в 1940 году (можно предположить, что помехой их более скорому осуществлению стала советско-финская война¹) и продолжены в 1941 году. Всего, согласно А. Гурьянову, было четыре последовательных и тщательно подготовленных операции, каждая практически осуществлялась за одни сутки: три в 1940 г. (10 февраля², 13 апреля (точнее, 9 и 13 апреля) и 29 июня — и одна в 1941 г. — в мае-июне). Этапирование эшелонов в глубь СССР отнимало от 2 до 4 недель. А. Гурьянов, изучавший этот вопрос на уровне отдельных эшелонов (всего их потребовалось 211), оценивает общее число депортированных по трем операциям 1940 года в 275 тыс. чел., из них 139–141 тыс. — в феврале, 61 — в апреле³ и 75 — летом.⁴

¹ Началась 30.11.1939.

² Интересно, что на середину февраля было намечено начало паспортизации местного населения аннексированных территорий (см.: *Филитов*, 1997, с. 56–57).

³ Н. Ф. Бугай называет иную цифру — 22–25 тыс. чел. (*Бугай*, 1995, с. 13)

⁴ *Гурьянов*, 1997а, с. 115.

Подготовка первой депортационной операции началась еще в 1939 году: так, 2 декабря 1939 года Берия предложил Сталину выселить до 15 февраля 1940 года из присоединенных районов всех «осадников» (своего рода польский вариант «казачества») и членов их семей.⁵ Официально контингент первой депортации так и назывался — «**спецпереселенцы-осадники**» (или, точнее, «осадники и лесники»). «Осадники», по официальной советской версии, — это «злейшие враги трудового народа»: бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в польско-советской войне 1920 года и получившие за это в 1920–1930-е гг. от благодарного отечества земельные наделы в восточных районах, населенных преимущественно белорусами и украинцами (85% «осадников» составляли поляки, но среди них было немало украинцев и белорусов).

Операции проводили ночью, между двумя и шестью часами. Не догадаться о приготовлениях было трудно, поскольку «скрыть» тысячи подвод с кучерами из местных жителей, сотни грузовиков и вагонов невозможно. Не застигнутых облавами на месте часто записывали выбывшими и оставляли в покое.

Еще 29 декабря 1939 года СНК утвердил «Положение о спецпоселении и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР». Для их трудоустройства предполагалось создать подведомственные Наркомлесу спецпоселения в районах лесных разработок — преимущественно на Севере Европейской части, на Урале и в Сибири: в частности в Коми АССР, в Кировской, Пермской, Вологодской, Архангельской, Ивановской, Ярославской, Свердловской и Омской обл., в Алтайском и Красноярском краях⁶. С учетом того, что «по наводке» 1-го секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко⁷ в контингент были добавлены «лесники», как бы самой природой предназначенные для Наркомлеса, Берия предложил часть осадников использовать в системе Наркомцветмета на добыче золота и медной руды, что и было закреплено Постановлением СНК от 14 января 1940 года.

Часть самих «осадников», естественно, попала не в спецпоселки, а в лагеря и тюрьмы. Членов их семей, членов семей военнопленных, проституток, а также беженцев, оказавшихся на территории восточной Польши после 1 сентября 1939 года и изъявивших желание выехать на территорию, оккупированную немцами, но принять которых Германия отказалась, также надлежало выселить в глубь СССР. 10 апреля 1940 года было принято Постановление СНК и выпущена инструкция о порядке проведения выселения: семьи репрессированных и военнопленных — направлялись на 10 лет в Казахстан, беженцы — в северные районы, в спецпоселки при лесозаготовках, проститутки — в Казахскую и Узбекскую ССР.

Несмотря на распутицу, 13 апреля 1940 года состоялась вторая массовая облава и отправка «освобожденных» поляков: этот контингент назывался «**административно-высланные**». В него входили члены семей репрессированных польских офицеров,

⁵ Гурьянов, 1997а, с. 117.

⁶ Бугай, 1995, с. 12.

⁷ Именно он 23.12.1939 предложил включить в число переселяемых так называемых «лесников», или «сторожевую охрану лесов».

полицейских, жандармов, госслужащих, помещиков, фабрикантов и участников повстанческих организаций; среди них были и учителя, мелкие торговцы и даже крестьяне побогаче, пресловутые «кулаки». Интересно, что накануне, 9 апреля 1940 года, чести быть депортированными, причем отдельно от остальных, удостоились проститутки.⁸

Как вспоминала О. Хребтович-Бутеневич, в каждый дом посылали одну-две подводы и, как правило, двух солдат. Стучались, сверяли списки, отбирали паспорта, старались не грубить, даже паковать и грузиться помогали: брать с собой разрешалось до 100 кг, но фактически можно было и больше. Подводы подавали к станции, грузили в товарные вагоны: в вагоне — железная печка, нары в три этажа, у задней стены складываются вещи. Как выразился сотрудник НКВД в Актюбинске: *«Из поляка никогда коммуниста не сделаешь, во всяком случае в этом поколении. Они все нам враги, сколько бы их ни было!»*⁹

Осужденных направляли в Северный Казахстан (в Актюбинскую, Кустанайскую, Североказахстанскую, Павлодарскую, Семипалатинскую и Акмолинскую обл., — как правило, на 10 лет), проституток — в Казахстан и Узбекистан, всех прочих беженцев — на север России¹⁰.

Что же касается депортации беженцев (этот контингент именовался **«спецпереселенцы-беженцы»**), то она была отложена на лето: только после 5 июня 1940 года — даты отъезда немецкой комиссии, принимавшей индивидуальные заявления граждан о переселении на территорию, контролируемую Германией, — к ней предстояло вернуться.¹¹ Это, в основном, были те бывшие польские граждане, которые бежали на восток от наступающего вермахта, подавляющее их большинство (около 85%) — евреи. В данном случае следует напомнить, что отказ немцев принять их и эта депортация спасли им жизнь.

Их рассматривали не как заклятых врагов (каковыми, кстати, считались «осадники»¹²), а как «интернированных эмигрантов», но некоторых, по их желанию и с согласия (а иногда и по требованию) немцев, передавали им. Соответствующее совместное Постановление СНК и ЦК ВКП(б) было издано 14 мая 1941 года. Одновременно оно предусматривало арест и 20-летнюю ссылку на поселение в отдаленные районы СССР членов семей «участников контрреволюционных украинских и польских националистических организаций» (в дальнейшем намечалось обсудить вопрос об аналогичной операции и в Западной Белоруссии).

Собственно говоря, депортации с территории аннексированных польских земель продолжались вплоть до нападения Гитлера на СССР. По расчетам А. Гурьянова, число

⁸ Филиппов, 1997, с. 53.

⁹ См.: Хребтович-Бутеневич, 1984, с. 48–53.

¹⁰ Бугай, 1995, с. 13.

¹¹ Гурьянов, 1997а, с. 120, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 57, л. 40–41. Именно на этот контингент и распространялись позднейшие Указ ПВС от 17.08.1941 об освобождении от спецпоселения поляков и директива НКВД от 19.07.1941 о разрешении им проживать на территории СССР, за исключением пограничных и запретных зон, а также мест, объявленных на военном положении и режимных городов.

¹² Это различие в отношении закономерно отразилось и в том, что смертность среди «осадников» была в несколько раз выше, чем у беженцев (см.: Земсков, 1990а, с. 5; Гурьянов, 1997а).

поляков, депортированных с февраля 1940 по июнь 1941 гг., составило в общей сложности от 309 до 321 тыс. чел.¹³ По данным Земскова, всего было депортировано 380 тыс. польских «осадников» и беженцев, хотя в таком случае на удивление низкой представляется оценка по состоянию на 1.04.1941 — 210 559 чел., из них осадников — 134 491 и беженцев 76 008 чел. Самый значительный контингент бывших польских граждан находился в Архангельской (около 51 тыс. чел.) и Свердловской (около 27 тыс.) обл., а также в Новосибирской обл., Коми АССР, Красноярском крае, в Вологодской, Ивановской и Молотовской обл. (от 20 до 10 тыс. чел.)¹⁴.

По некоторым самооценкам, всего из довоенной Польши в СССР было вывезено 1,6–1,8 млн. чел., не считая белорусов, литовцев и евреев. Количественно эта оценка, конечно, преувеличена, но качественно она безошибочна: польской администрации, польской армии и польской интеллигенции более не существовало.

Тем не менее нельзя не отметить, что вскоре после нападения Гитлера на СССР и установления официальных отношений с польским правительством в Лондоне Указами ПВС от 12 июля и 17 августа 1941 года многие поляки¹⁵ были амнистированы и освобождены из спецпоселения: им разрешалось свободное проживание, кроме пограничных и запретных зон, а также режимных городов. Из 389 382 подвергнутых репрессиям бывших польских граждан насчитывалось 120 962 осужденных и 243 106 спецпоселенцев. Из них 119 865 чел. — военнослужащих армии Андерса — в 1942 году были **эвакуированы в Иран**, а остальные 269 176 поляков были вывезены в более южные (по сравнению с теми, где они были ранее) районы и практически сосредоточены в Казахстане, Средней Азии, в Алтайском и Красноярском краях, а также в Свердловской и Челябинской обл. В январе 1943 года бывшие польские граждане были паспортизированы, большинство из них (более 165 тыс. чел.) получили советское гражданство, а около 26 тыс. — сохранили польское. По соглашению между правительствами СССР и Польши от 30 июля 1943 года амнистия была распространена на всех бывших польских граждан на территории СССР, после чего на территории СССР начала формироваться еще одна польская армия¹⁶.

Летом 1940 года тень Молотова и Риббентропа накрыла самый северный и самый южный сектора европейской границы СССР. Следует подчеркнуть: **новой** европейской границы. Сосредоточенность на западном участке границы сохранилась, но депортации охватили уже, кроме территории бывшей Польши, еще и Прибалтику, Бессарабию и Северную Буковину.

¹³ Гурьянов, 1997а, с. 116.

¹⁴ Земсков, 1990а, с. 5, 7. Из 177 043 польских спецпоселенцев, по состоянию на 1.04.1941 (без учета 35 539 чел., проживающих в Казахстане, Красноярском крае и Вологодской обл.), около 97 тыс. составляли собственно поляки (54,6%), далее шли евреи (59 тыс. чел., или 33,3%), украинцы и белорусы — по 9 тыс. (5,1–5,3%). См.: Земсков, 1990а, с. 8.

¹⁵ Исключение составляли депортированные до 17.09.1939, дезертиры и преступники (Бугай, 1995, с. 192–193).

¹⁶ Бугай, 1995, с. 194–195.

14 июня СССР предъявил ультиматум Литве, а 16 июня — Латвии и Эстонии. Условия ультиматумов были приняты правительствами этих стран, соответственно, 15, 16 и 17 июня, и уже 17, 20 и 21 июня (в той же последовательности) в этих странах были созданы просоветские правительства¹⁷. 27–28 июня аналогичные события произошли и с Румынией, с той лишь разницей, что аннексии подверглась лишь часть ее территории — Бессарабия и Северная Буковина, причем вскорости (2 августа) Бессарабия была объединена с левобережной Молдавией в Молдавскую ССР.

23 июня 1940 года Берия издал приказ о переселении между 5 и 10 июля из Мурманска и Мурманской обл. **«граждан инонациональностей»**, к которым были причислены не только соседние народы — **финны, шведы и норвежцы** (их, в количестве 2540 семей, или 6973 чел., переселили в Карело-Финскую АССР), но и китайцы, немцы, поляки, греки, корейцы и т. д. (всего 675 семей, или 1743 чел.), направленные на Алтай.

В Прибалтике и Молдавии для организации депортаций потребовалось дополнительное время, поэтому здесь они начались несколько позже. Новая — краткая, но чрезвычайно мощная — волна депортаций развернулась только в конце мая 1941 года, всего лишь за месяц до начала войны.

Впрочем, подготовка к ним шла уже давно. Инструкция о проведении депортации антисоветских элементов из прибалтийских республик была подписана И. Серовым еще 11 октября 1939 года и дожидалась своего часа чуть ли не полтора года.¹⁸ В середине мая 1941 года Берия согласовал со Сталиным проект постановления СНК и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по очистке Литовской ССР от антисоветского, уголовного и социально-опасного элемента» (на стадии согласования к Литовской ССР были добавлены Латвийская и Эстонская).¹⁹ На этот раз «погромить» предлагалось бывших членов различных националистических партий, полицейских, жандармов, помещиков, фабрикантов, крупных чиновников, офицеров и уголовников, ведущих антисоветскую деятельность и используемых иностранными разведками в шпионских целях. Таких надлежало арестовывать, конфисковывать их имущество и направлять в лагеря на срок от 5 до 8 лет с последующим поселением на 20 лет в отдаленных местностях СССР. Там их дожидались бы уже члены их семей²⁰ (кроме уголовников), а также члены семей тех, кто осужден к высшей мере наказания или скрылся от правосудия и перешел на нелегальное положение (сюда же добавлялись прибывшие из Германии в порядке репатриации и немцы, записавшиеся на репатриацию, но в конце концов отказавшиеся выехать). Для интернированных предлагалось организовать специальные лагеря, где вершилось бы сталинское правосудие (или, как сказано в проекте постановления, — «оформление

¹⁷ Во главе с Ю. Палецкисом, А. Кирхенштейном и И. Варесом; советскими представителями при них были, соответственно, В. Деканозов, А. Вышинский и А. Жданов.

¹⁸ Ее текст, попавший в руки к немцам, стал достоянием гласности еще в 1941 г. (см.: These Names Accuse, 1982, р. XVIII и XXXVI–XXXI).

¹⁹ См. соответствующий проект от 16.05.1941 (РГАНИ, ф. 89, оп. 18, д. 3, лл. 2–5).

²⁰ Интересно, что здесь же некоторое время должны были находиться и главы семей, предназначенные к аресту. Об их разделении, во избежание эксцессов, им, разумеется, заранее не сообщалось. Но и при депутации поляков вес предметов первой необходимости и продуктов, которые разрешалось взять с собой, не превышал 100 кг (см.: *Макшеев*, 1997, с. 106–108).

решений Особого совещания»). По обыкновению, несколько особый контингент составляли зарегистрированные проститутки: их направляли в северные районы Казахстана сроком на 5 лет.

На первый взгляд, более «экспромтной» выглядела молдавская операция. Но и к ней подготовка началась задолго до того, как ее официальный инициатор, уполномоченный ЦК и СНК по Молдавской ССР С. А. Гоглидзе попросил у Сталина разрешение на выселение около 5 тыс. активных контрреволюционеров с семьями (активистов буржуазных партий, помещиков, полицейских и жандармов, офицеров белой, царской и румынской армий, крупных торговцев, домовладельцев и примарей, или волостных старшин)²¹. Подготовка к операции была завершена к началу июня, и бериевская директива от 14 июня фактически лишь подводила черту под уже состоявшимися событиями.

Директива называлась «План мероприятий НКВД по этапированию, расселению и трудоустройству спецконтингентов, высылаемых из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР». План предусматривал арест и выселение около 30 885 бывших фабрикантов, помещиков и членов буржуазных правительств из республик Прибалтики и Молдавии (все они, как правило, имели статус «**ссылнопоселенцев**»), а также 46 557 членов их семей. Их предполагалось депортировать: из Литвы — в Коми АССР, из Латвии — в Красноярский край, из Эстонии — в Алтайский край и Южноказахстанскую обл., из Молдавии (их в данном случае было большинство) — в Казахстан (Актюбинскую, Карагандинскую, Кустанайскую и Кызыл-Ординскую обл.) и Новосибирскую обл.

А вот краткий общий «график» фактических предвоенных депортаций 1941 года. 22 мая «контрреволюционеров и националистов» выселяли из Западной Украины, в ночь с 12 на 13 июня — из Молдавии, Черновицкой и Измаильской обл. УССР, 14 июня — из Литвы, Латвии и Эстонии, а в ночь с 19 на 20 июня — из Западной Белоруссии.

Из Западной Украины и Западной Белоруссии было выселено, соответственно, около 11 и 21 тыс. чел. (в первом случае — в Южноказахстанскую обл., в Красноярский край, в Омскую и Новосибирскую обл., во втором — в Красноярский и Алтайский края и в Новосибирскую обл.)²².

Из Молдавии и Черновицкой и Измаильской обл. УССР было переселено в Казахскую АССР, Коми АССР, Красноярский край, Омскую и Новосибирскую обл. более 30 тыс. чел. Применительно к Молдавии имеются более подробные данные. Там, в частности, к аресту и переселению было намечено 8–8,5 тыс. активных молдавских контрреволюционеров: 5 тыс. направлялись в Козельщанский лагерь и 3 тыс. в Путивльский. Членов же их семей (в количестве 33 тыс. чел.) ждало выселение, в основном, в Казахстан и Западную Сибирь: в Южноказахстанскую, Актюбинскую и Карагандинскую обл. направлялись 11 тыс. чел., в Новосибирскую обл. — 10 тыс. и в Кустанайскую, Кызыл-Ординскую и Омскую — еще 6 тыс. чел. (в качестве 6-тысячного резерва определялась Кировская обл.)²³.

²¹ См.: *Пассат*, 1994, с. 23.

²² Здесь и далее (если не оговорено иное) мы ориентируемся на округленные данные, впервые полученные А. Гурьяновым на основании поэшелонного анализа (*Гурьянов*, 1997б).

²³ См.: *Пассат*, 1994, с. 24–25.

Рис. 3. Принудительные миграции из районов, аннексированных СССР, 1940–1941 гг.

Условные обозначения

--- Контурь границ СССР до 17.09.1939

→ Обобщенные направления депортаций

Депортированные контингенты:

1 — спецпереселенцы-«косадники» из б. Вост. Польши (10.02.1940); 2 — административно-высланные из б. Вост. Польши (9–13.04.1940); 3 — спецпереселенцы-беженцы из б. Вост. Польши (29.06.1940); 4 — граждане и национальностей из Мурманской обл. (5–10.07.1940); 5 — ссыльнопоселенцы из Зап. Украины (22.05.1941); 6 — ссыльнопоселенцы из Молдавии, Измаильской и Черновицкой обл. (12–19.06.1944); 7 — ссыльнопоселенцы из Эстонии (14.06.1941); 8 — ссыльнопоселенцы из Латвии (14.06.1941); 9 — ссыльнопоселенцы из Литвы (14.06.1941); 10 — ссыльнопоселенцы из Зап. Белоруссии (19–20.06.1941)

Операция была начата в полтретьего ночи с 12 на 13 июня (по некоторым сведениям — 11 июня), на сборы давалось всего 2 часа. Несмотря на внезапность, фактически было арестовано и выслано гораздо меньше людей, чем планировалось (в частности, по состоянию на середину сентября 1941 года, из 85 716 высланных в ходе этой последней перед войной операции на выходцев из Молдавии приходилось 22 848 чел.). Кстати, и реальная география мест их вселения также отличалась от плановой: в Казахстане их было зарегистрировано 9954, в Омской и Новосибирской обл. — 6085 и 5787 чел., добавились Красноярский край (470 чел.) и Коми АССР (352 чел.)²⁴.

Из Литвы (17,5 тыс. чел.) депортировали в Новосибирскую обл., Казахстан и Коми АССР, из Латвии (около 17 тыс. чел.)²⁵ — в Красноярский край и Новосибирскую обл., а также в Карагандинскую обл. Казахстана, а из Эстонии (около 6 тыс. чел.) — в Кировскую и Новосибирскую обл.

Тем самым общее число депортированных из новых западных областей СССР достигало около 380–390 тыс. чел.²⁶ Регионами вселения стали Север Европейской части, Урал, Западная и Восточная Сибирь, Казахстан и Узбекистан (см. рис. 3).

«Громадьё» депортационных планов этим далеко не исчерпывалось.

Но осуществиться им во всей полноте помешала война. На сей раз, после того как на рассвете 22 июня немцы перешли Буг, — война Великая и Отечественная.

Тотальные превентивные депортации советских немцев, финнов и греков в 1941–1942 гг.

То, что начало главной войны фактически совпало с одной из ставших рутинными операций по депортации граждан в отдаленные районы великого отечества, — в высшей степени примечательно. Чекистов, в отличие от пограничников, война врасплох не застала, и со своими задачами они справлялись довольно успешно и почти без потерь.

Уже в Указе ПВС «О военном положении», выпущенном 22 июня, военным властям в местностях, где было объявлено военное положение, предоставлялось право выселять из них в административном порядке всех лиц, признанных социально опасными. Соответствующую директиву НКВД Берия разослал 4 июля 1941 года: в ней, правда, было сказано, что при выселении указанных лиц следует проявлять осторожность, проверять имеющиеся данные и не выселять нетрудоспособных в возрасте старше 60 лет²⁷.

²⁴ См.: *Пассат*, 1994, с. 25–26.

²⁵ В изданном в Стокгольме в 1951 г. и переизданном, с дополнениями, в 1982 г. мартирологе латвийских жертв сталинских репрессий 1941 г., включая и расстрелянных, и заключенных в тюрьмах и лагерях, содержится около 30 тыс. имен (см.: *These Names Occuse*, 1982).

²⁶ По данным С. Парсадановой, из этих районов было депортировано 1 173 170 чел., из них в промышленности были заняты 318 564, а в сельском хозяйстве — 418 569 чел. Смертность среди спецпоселенцев составляла более 16% (*Парсаданова*, 1989, с. 36).

²⁷ *Зайцев*, 1993, с. 112.

Тем не менее заложенная в указе идея — убрать подальше всех, кого побаиваемся или кому не доверяем, — оказалась в годы военного лихолетья весьма востребованной и результативной.

Приказом Военного Совета Западного фронта № 017 от 12 августа 1941 года была установлена 5-километровая *полоса боевых действий* (впоследствии расширенная до 25 км), с территории которой все гражданское население подлежало выселению²⁸.

17 ноября 1941 года — за подписями И. Сталина и Б. Шапошникова, начальника Генштаба, — вышел Приказ № 0428. Цитирую:

*«1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 20–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог. <...> При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать».*²⁹

Годы Великой Отечественной войны для СССР ознаменовались не только беспрецедентным напряжением всех государственных и народных сил в смертельной, но победительной схватке с бесчеловечным и могучим агрессором, но и целой серией актов несправедливости, дискриминации и репрессий по отношению к части собственного населения.

Классическим примером этого являются так называемые **«наказанные народы»**. Официальной версией применения к отдельным народам тотальных депортаций являлось или возмездие за совершенное ими «предательство», или избавление их от соблазна его совершения. Собственно говоря, **превентивные депортации** — это наказание даже не за потенциальное предательство, а за «...*принадлежность к национальности, с зарубежными соплеменниками которой ведется или может вестись война*»³⁰. В этом и заключается принципиальное отличие ситуации Второй мировой войны от Первой, когда депортации угрожали исключительно «враждебно-подданным», то есть гражданам государств, с которыми шла война. На этот раз удары пришлось по собственным гражданам, национальность которых совпала с титульной нацией врага, причем это относится не только к СССР, но и к США.³¹

Однако известно, что как героизм и самоотверженность, так и малодушие и предательство в той или иной степени проявили представители всех народов СССР — и те, кого превентивно или задним числом депортировали, и те, кого «не тронули». Так, в первые же месяцы войны были мобилизованы более 17 тыс. чеченцев и ингушей³², на фронт ушли 40 тыс. турок-месхетинцев (почти все взрослое население), из них 26 тыс.

²⁸ Выполнять приказ должны были органы местной власти и «особисты» — работники особых отделов соединений и частей.

²⁹ Скрытая правда, с. 210–211, со ссылкой на: ЦАМО, ф. 353, оп. 5864, д. 1, л. 27.

³⁰ Бугай, 1985, с. 136.

³¹ Примечательно, что в самой Германии интернированию подверглись только граждане СССР, тогда как русские эмигранты первой волны никаким репрессиям или ограничениям не подвергались.

³² Бугай, 1990б, с. 33.

погибли³³. Из 137 тыс. крымских татар, мобилизованных в армию, к 1944 году на войне погибли 57 тыс.³⁴. Среди Героев Советского Союза — десять чеченцев и ингушей³⁵, девять немцев³⁶, восемь калмыков³⁷, один балкарец³⁸ и т. д.

Поэтому обвинения в «предательстве» были не только несправедливы, но и лицемерны, поскольку общее число граждан СССР, оказавшихся под оккупацией и уже в силу этого обстоятельства так или иначе вынужденных контактировать с оккупационными властями, составляло не менее 60–65 млн. чел. По меньшей мере более миллиона из них делали это весьма активно (а многие и просто с энтузиазмом), запятнав себя невымысленной изменой и кровью соотечественников: каждый из них по отдельности заслуживал обвинения в предательстве и пособничестве врагу, судебного разбирательства и, после выяснения всех обстоятельств, сурового наказания. Несомненно, что среди таких граждан были и представители позднее «наказанных народов», но подавляющее большинство среди них составляли украинцы и русские, за что эти народы в целом, как известно, тотального наказания тем не менее не понесли.

Но несправедливость не в этом, а в самом прецеденте «наказания народа», подменившем судебные разбирательства против конкретных лиц. Независимо от всякой статистики приписывание **коллективной вины** и применение **коллективного наказания** по признаку этнической принадлежности является серьезным и бесспорным преступлением против человечности, наравне со взятием и расстрелом заложников и т. п.

Рассмотрим же последовательность принудительных миграций в СССР периода Великой Отечественной войны.

Самый первый депортационный удар пришелся по советским **немцам**, отнесенным к потенциальным «коллаборантам» исключительно в силу своей этнической принадлежности к нации, с титульным государством которой шла война. Подвергнуть перемещению пришлось около 1,2 млн. из примерно 1,5 млн. советских немцев. В СССР, по данным переписи 1939 года, насчитывалось 1 427 222 немцев, из них в городах проживало всего лишь около 1/5. Расселены по стране они были достаточно широко, тем не менее особенно крупные немецкие колонии (тыс. чел.) сложились в России (862,5), на Украине (392,7), в Казахстане (92,7), в Азербайджане (23,1) и Грузии (20,5). Внутри РСФСР они концентрировались в АССР Немцев Поволжья (366,7), в Омской обл. (59,8), в Крыму (51,3), в Орджоникидзевском (45,7) и Краснодарском (34,3) краях. За Уралом крупные немецкие колонии, как видим, были только в Казахстане, в Омской обл. и на Алтае.

Вопрос о высылке немцев, по всей видимости, возник не заблаговременно, а по ходу войны. Иначе трудно объяснить такой, например, факт, как приговор к шести годам лишения свободы, вынесенный 31 июня 1941 года Верховным Судом АССР НП заведую-

³³ Бройдо, Прохоров, 1994, с. 343.

³⁴ Алексеева, 1992, с. 93.

³⁵ Такаев, 1997, с. 98.

³⁶ Ауман, Чеботарева, 1994, с. 45.

³⁷ Бугай, 1995, с. 67.

³⁸ Мухажир Умаев (Азаматов, Темиржанов и др., 1994, с. 8).

щему овцетоварной фермой колхоза им. Куйбышева Старо-Полтавского кантона И. Белоусову с формулировкой: «за шовинистический выпад против немцев, проживающих в СССР». Между 13 июля и 15 августа в республике, как и повсюду, формировались отряды народного ополчения: в них записалось 11 193 чел., в том числе 2635 женщин. Обком ВКП(б) повсеместно проводил митинги, на которых принимались обращения к немецкому народу; еженедельно в Москву отсылались отчеты «о фактах патриотического и трудового подъема трудящихся АССР НП»³⁹, а 3 августа был создан республиканский фонд обороны страны, куда поступали пожертвования граждан. Не исключено, что некоторая «задержка» с депортацией немцев была связана с общими контрпропагандистскими иллюзиями советского командования по разложению вермахта, хотя такого рода нередко звучащих подозрений в избыточной наивности и доверчивости («не знал», «не мог себе представить» и т. п.) ни лично Верховный главнокомандующий, ни его испытанные политорганы не заслуживают.

Более рациональным объяснением задержки с депортацией представляется экономическое, а именно «виды на урожай»: сама АССР НП была весьма развитым аграрным районом, и ее плановое задание по хлебосдаче на 1941 год было определено только 27 июня 1941 года. Будь наступление вермахта менее стремительным, вряд ли Сталин стал бы оставлять в Поволжье необуранный хлеб.

Но темпы наступления не согласовывались с Москвой. В тот же самый день, когда в Энгельсе был создан фонд обороны (3 августа), Сталин получил от командования Южного Фронта шифрограмму, где, в частности, сообщалось: «1. *Военные действия на Днестре показали, что немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим нашим войскам. Установлено также, что вступающие немецко-фашистские войска в немецкой деревне 1.8.1941 встречались хлебом-солью. На территории фронта имеется масса населенных пунктов с немецким населением. 2. Просим дать указания местным органам власти о немедленном выселении неблагонадежных элементов. Тюленев, Запорожец, Романов».*

Реакция Сталина была мгновенной и не оставляющей разночтений: «*Товарищу Берия. Надо выселить с треском*»⁴⁰. Тов. Берия подхватил образ и несколько расширил сферу действия «треска». Однако не исключено, что само по себе принципиальное решение о ликвидации немецкой автономии и о депортации всех немцев было принято еще в конце июля, в ходе негласного визита в республику Берии и Молотова⁴¹. После этого якобы НКВД был устроен провокационный «десант» парашютистов в немецкой форме, а в республике начали сворачиваться или закрываться газеты и журналы.

Непосредственная подготовка к депортации началась только после принятия 12 августа 1941 года совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о расселении немцев Поволжья в Казахстане. Но и тут произошла заминка, связанная, как мы думаем, с необходимостью хотя бы частично убрать урожай.

³⁹ Герман, 1996, с. 135–142.

⁴⁰ Кригер, 1997.

⁴¹ Документальных подтверждений визита нет.

Но факт остается фактом: практические распоряжения по «операции» были отданы только 26–27 августа. Всю операцию Л. Берия приказал провести между 3 и 20 сентября и создал оперативный штаб во главе со своим заместителем И. А. Серовым. АССР НП была объединена с Саратовской и Сталинградской обл. в единый с точки зрения депортации немцев район, в который был направлен особый отряд в 13 100 бойцов под началом комбрига Кривенко, состоявший из сотрудников НКВД (около 1,5 тыс. чел.), милиции и красноармейцев. Все три области в тот же день были извещены, и на завтра Бюро обкома ВКП(б) приняло решение центра о депортации к неуклонному исполнению.

28 августа 1941 года в составе центрального аппарата НКВД был образован Отдел спецпоселений, создававшийся исключительно для приема и размещения перемещаемых немцев.⁴² И в тот же день (28 августа) вышел известный Указ ПВС «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»: он был, собственно говоря, не более чем формальной данью «парламентской процедуре», как бы легитимизирующей и закрепляющей решения, уже принятые на Лубянке и в Кремле.

Этот Указ было бы чрезвычайно любопытно сравнить с высказываниями безвинно осужденного И. Белоусова, бывшего заведующего овцетоварной фермой бывшего колхоза им. Куйбышева бывшего Старо-Полтавского кантона. Во всяком случае он примечателен серьезным новаторством в области аргументации государственных решений: то, что раньше было применимо к отдельной личности — недоносительство, например, — впервые было отнесено к целому народу.

«...По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются десятки и тысячи диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, — следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов Советского Народа и Советской Власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья или в прилегающих районах, и случится кровопролитие, Советское Правительство по всем законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий ПВС СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

⁴² Его начальником был назначен И. В. Иванов. Отдел просуществовал недолго, и 14.11.1942 был упразднен, а его функции переданы Отделу трудовых и спецпоселений ГУЛАГа НКВД (Кожури, Петров, 1997, с. 31, 270–271).

"УТВЕРЖДАЮ"
НАУЧНЫЙ КОМПОНЕНТ
ИНТЕРИЕНА АССР НЕМЦЕВ
1941 г.
августа 1941 г.

РЕСТРУКЦИЯ

ПО ПРОВЕДЕНИЮ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НЕМЦЕВ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ в АССР
НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ, САРАТОВСКОЙ и СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ.

1. Переселение подлежат все граждане, по национальности немцы, проживающие в городах и сельских местностях АССР Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей.

Члены НКВД и НКВДН переселяются одновременно вместе с остальными.

2. Немцы, проживающие в указанных районах, исключаются из территории Кавказской ССР, Краснодарского и Алтайского краев, Омской и Новосибирской областей.

3. Члены семей военнослужащих Красной Армии раненых и нетяготевающего состава подлежат переселению на общих основаниях. Им должно быть предоставлено в местах размещения преимущественно в первую очередь в жилищном и бытовом устройстве.

Полномочия на местах.

1. Утвержденные списки НКВД СССР области оперативные органы составляют и утверждают списки переселяемых немцев, в состав которых входят: начальники ГО НКВД, начальники милиции

и за несколько дней до операции вычисления оперативных органов по указанным областям оперативных троек выдают предложения о возможности к отправке, разъясняя им порядок переселения. При этом ни в коем случае не допускать никаких споров и коллективных обсуждений вопросов, связанных с переселением.

Перечень лиц, подлежащих в немцах
семьям, переселенным вместе со семьями.

1. Члены семей, по национальности не являющиеся немцами, переселяются по желанию, в том числе по желанию родителей с оставшейся частью семьи.

Например, русский гражданин, женившийся на немке. В браке с немкой немецкими детьми не имеет, но имеет детей от другой женщины.

4. В семьях, где глава семьи (муж) не является по возможности немцем, а жена - немка, в таком случае ~~семья не высылается~~

2. В том случае, если отдельные члены семьи, подлежащие переселению, в момент отправки отсутствуют (включают в больницы, санатории и т.п.), то также лица берутся на учет органами НКВД для последующего направления в какой-либо пункт отселения семьи.

Проживание операции.

1. Разрешать переселяемым брать с собой основное имущество, личный хозяйственный инвентарь и деньги (сумма не ограничивается

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим ГКО предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах».

30 августа, по распоряжению И. Серова, указ напечатали республиканские газеты «Большевик» (на русском языке) и «Nachrichten» (на немецком). Эта публикация позволила 1-му секретарю Обкома С. Малову (русскому по национальности) обратиться к Сталину с докладной запиской, где открыто говорилось о критическом отношении значительной части немецкого населения к указу, особенно к той его части, где утверждалось сокрытие в немецкой среде врагов советской власти. 5 сентября высшие должностные лица немецкой национальности в АССР НП — председатель СНК республики А. Гекман, председатель ВС К. Гофман и 3-й секретарь Обкома ВКП(б) Г. Корбмахер — были сняты с занимаемых постов⁴³, а 6-7 сентября была ликвидирована сама немецкая автономия на Волге (интересно, что при этом официально она так и не была упразднена!). Территория бывшей АССР НП была распределена между Саратовской (г. Энгельс и 15 кантонов) и Сталинградской (7 кантонов) обл. (переименования кантонов и населенных пунктов с немецкими названиями последовали 19 мая 1942 года).

К этому времени войска НКВД уже давно (с 29 августа) заняли исходные, согласно дислокации, позиции. Организационная схема осуществляемой ими депортации была следующей (раскроем ее в деталях, поскольку она, в общем и целом, выдерживалась и при других операциях).

В регионах комплектовались оперативные **тройки**, утверждаемые приказами НКВД СССР (в составе начальника местного НКВД, начальника милиции и секретаря комитета партии). Они, в свою очередь, комплектовали участковые оперативные тройки, составляли графики подачи вагонов, организовывали прием и посадку переселенцев.

Для составления списков депортируемых участковые оперативные группы выезжали в колхозы, поселки и города и заполняли учетные карточки на каждую выселяемую семью, с перечислением всех ее членов. Не подлежали депортации немки, бывшие замужем за представителями других народов⁴⁴. В том случае, если отдельные члены семьи временно отсутствовали, органы НКВД брали их на учет для последующего направления к новому месту жительства семьи. Главу семьи предупреждали, что он несет ответственность за всех переселяемых членов его семьи: в случае перехода кого-нибудь из них на нелегальное положение, он и остальные члены семьи будут репрессированы в уголовном порядке. На основании данных, полученных от участковых троек, областные тройки составляли графики подачи вагонов с таким расчетом, чтобы исключить простой подвижного состава.

⁴³ 16 сентября А. Гекмана и Г. Корбмахера — «за дискредитацию указа» от 28.08.1941 — исключили из партии.

⁴⁴ Этот принцип выдерживался и при всех последующих депортациях. По другим данным, этот принцип впервые был применен только в октябре 1941 г. к немцам из Закавказья (*Бугай*, 1995, с. 41, со ссылкой на инструкцию, утвержденную приказом НКВД № 001487 от 11.10.1941).

Помимо оперативных троек, повсеместно создавались Комиссии по приемке имущества переселяемых колхозов и оценке личного имущества немцев⁴⁵. В них включались председатель райисполкома, заведующий районным земельным отделом, уполномоченный Наркомата заготовок, представители конторы «Заготскот», районного финансового отдела или конторы Госбанка (им в помощь в каждом районе мобилизовали в порядке трудовой повинности не менее 50 счетных работников). Имущество переселяемых колхозов и МТС принималось по актам: колхозные постройки; сельскохозяйственные машины; рабочий и продуктивный скот; сельскохозяйственная продукция, как в убранном виде, так и на корню; подсобные предприятия с имеющимся оборудованием, готовой продукцией, сырьем; денежные средства колхозов и т. д.⁴⁶ Кроме того, уполномоченные Наркомата мясомолочной промышленности СССР осуществляли приемку от колхоза и колхозников в счет выполнения «мясообязательств» по поставкам 1941 года, взыскания недоимок по мясу прошлых лет и замены мясом поставок других видов сельскохозяйственной продукции⁴⁷.

Для усиления охраны имущества колхозов на время проведения операции в помощь оперативным группам создавали группы работников из партийно-советского и комсомольского актива, а для последующей охраны имущества, ухода за скотом, посевами до вселения и создания новых колхозов выделялись группы колхозников, мобилизованных в порядке трудовой повинности из соседних областей или из лиц, прибывших по эвакуации из прифронтовой полосы.

Оценка личного имущества переселяемых немцев производилась особой Оценочной комиссией в составе уполномоченного НКЗема СССР, председателя колхоза и представителя банка с участием переселяемого колхозника. Сдавшие имущество получали акт с указанием суммы, которая должна была возмещаться на месте нового поселения путем построек или материалов на постройку⁴⁸.

⁴⁵ Соответствующая инструкция была утверждена СНК 30.08.1941 года в связи с депортацией из Поволжья, но без дополнительных уточнений действовала на всей территории СССР и в дальнейшем.

⁴⁶ Несмотря на фактическую ликвидацию немецких колхозов, государство предполагало получить от них все обязательные поставки. При этом переселяемым колхозникам обещали выдать на новых местах поселения 3% от оставшейся после выполнения обязательств сельхозпродукции с учетом выработанных трудодней. Зерно, оставшееся после зачета в выполнение государственных обязательств и вычета подлежащего выдаче переселенцам, сдавалось уполномоченным НКЗема СССР государству по закупочным ценам. Часть сдаваемого зерна оставалась в колхозах как семенной и фуражный фонд для вновь вселяемых колхозников. В случаях задолженностей колхоза долг переносился на вновь создаваемое на этой территории хозяйство. Неубранный урожай сельскохозяйственных культур принимался со скидкой 30% на расходы по уборке урожая, его хранения и транспортировке. Средства, полученные от реализованной продукции, обращались в погашение всех взятых у государства денежных ссуд (независимо от сроков их погашения), налогов, сборов и страховых платежей. Денежные средства колхозов поступали в распоряжение местных органов власти для укрепления вновь образующихся в данной местности колхозов.

⁴⁷ На принятый от колхоза скот сверх выполнения ими обязательств перед государством составлялся акт в трех экземплярах с указанием количества скота, его живой массы. По предъявлению актов на местах вселения переселяемые колхозы якобы могли получить скот. На каждую принятую от индивидуальных сдатчиков голову рабочего скота выписывалась квитанция и производилась оплата. При предъявлении квитанции на новом месте сдатчиком обещали приобретение рабочего скота по эквивалентным ценам.

⁴⁸ По свидетельству немцев — жителей колоний Каново, Карлсфельд (х. Зеленая Роща), колхозов Ленинфельд, Роте-фане, Рот-фронт (с. Кочубеевское), г. Ставрополя — акт приемки личного имущества носил формальный характер (сообщено Т. Н. Плохотник).

Принудительные миграции в годы и после окончания второй мировой войны (1939–1953)

ЗАПИСНИК НА ГЛАВУ СЕМЬИ

1-14

1. Имя <u>Борн</u>	Абт.
2. Имя, фамилия <u>Карлос Борн Карлович</u>	Генер.
3. Год рождения <u>1886</u> 4. Место рождения <u>с. Гольдберг, Пруссия, ныне СССР</u>	Полк.
5. Профессия <u>Колхоз</u>	Служ.
6. Место рождения (1919-20) <u>с. Гольдберг, Пруссия, ныне СССР</u>	Служ.
7. Год рождения <u>1911</u> 8. Место рождения <u>с. Гольдберг, Пруссия, ныне СССР</u>	Служ.
9. Место рождения <u>с. Гольдберг, Пруссия, ныне СССР</u>	Служ.

Дата оформления: _____
 Служба: _____

Для для Familienkartei ausfüllen

1. Name <u>Born</u>	Abt.
2. Vorname, Vatername <u>Josef, Wilhelm</u>	Gebort.
3. Jahrgang <u>1886</u> 4. Geburtsort, Siedlung <u>Goldberg, Kreis Kallisch, ASSR/WD</u>	Regim.
5. Volkzugehörigkeit <u>Deutscher</u>	Dorf.
6. Wohnanschrift (genau) <u>Siedlung Goldberg, Kreis Kallisch, ASSR/WD</u>	
7. Art der Beschäftigung <u>Kolchosbauer</u>	Datum der Auskehr
8. Grund, Datum der Registrierung der UdSSR <u>vom 28. August 1947</u>	

Kartalkarte erstellt (Unterschrift):
 31. August 1947

Имя, фамилия	Год рождения	Семейная группа
<u>Борн Карлос Борн Карлович</u>	<u>1886</u>	<u>мать</u>
<u>Борн Карлович Карлович</u>	<u>1921</u>	<u>сын</u>
<u>Борн Александр Карлович</u>	<u>1924</u>	<u>сын</u>
<u>Борн Карлос Карлович</u>	<u>1926</u>	<u>сын</u>
<u>Борн Карлос Карлович</u>	<u>1928</u>	<u>сын</u>
<u>Борн Карлос Карлович</u>	<u>1930</u>	<u>сын</u>
<u>Борн Карлос Карлович</u>	<u>1932</u>	<u>сын</u>
<u>Борн Карлос Карлович</u>	<u>1934</u>	<u>сын</u>
<u>Борн Карлос Карлович</u>	<u>1936</u>	<u>сын</u>
<u>Борн Карлос Карлович</u>	<u>1938</u>	<u>сын</u>
<u>Борн Карлос Карлович</u>	<u>1940</u>	<u>сын</u>
<u>Борн Карлос Карлович</u>	<u>1942</u>	<u>сын</u>
<u>Борн Карлос Карлович</u>	<u>1944</u>	<u>сын</u>
<u>Борн Карлос Карлович</u>	<u>1946</u>	<u>сын</u>
<u>Борн Карлос Карлович</u>	<u>1948</u>	<u>сын</u>
<u>Борн Карлос Карлович</u>	<u>1950</u>	<u>сын</u>
<u>Борн Карлос Карлович</u>	<u>1952</u>	<u>сын</u>

Оформлено: _____

Familienmitglieder

Name, Vorname, Vatername	Jahrgang
<u>Herr Ludig, Wilhelm</u>	<u>1880</u> <u>Elternteil</u>
<u>Herr Pauline, Rudolf</u>	<u>1901</u> <u>Schwägermutter</u>
<u>Herr Alexander, Josef</u>	<u>1922</u> <u>Sohn</u>
<u>Herr Pauline, Josef</u>	<u>1921</u> <u>Tochter</u>
<u>Herr Wilhelm, Josef</u>	<u>1900</u> <u>Tochter</u>
<u>Herr Ernst, Josef</u>	<u>1901</u> <u>Tochter</u>
<u>Herr David, Josef</u>	<u>1902</u> <u>Sohn</u>
<u>Herr Heinrich, Heinrich</u>	<u>1920</u> <u>Kind</u>

Zug Nr. 002 10.0.41 Normal

Besondere Eintragung: Sohn in der Roten Armee

Учетная карточка на главу семьи немецких спецпереселенцев (собрание А. Айфельда, Геттинген)

Переселяемым немцам разрешалось брать с собой личное имущество, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, продовольствие на один месяц — всего весом до одной тонны на семью. Сроки на сборы были крайне сжаты, и перед отправкой успевали подготовить минимальный запас продуктов (забивали скот, делали колбасы, выпекали хлеб).

Несмотря на отдельные сбои, операция по выселению осуществлялась в целом по плану, в намеченные сроки, то есть между 3 и 20 сентября. Всего было выселено 438,7 тыс. чел., в том числе из АССР НП — 365,8, из Саратовской обл. — 46,7 и из Сталинградской обл. — 26,2 тыс. чел. (см. рис. 4). Вывозили их, главным образом, в Казахстан, а также в Красноярский и Алтайский края, в Новосибирскую и Омскую обл.: плановые показатели составляли, соответственно (но без Казахстана), 21,5, 27,2, 28,6 и 24,3 тыс. семей. Расселяли, как правило, в сельской местности, независимо от места предыдущего проживания, но известны и отдельные исключения (например, Томск, входивший тогда в состав Новосибирской обл.)⁴⁹.

По всей видимости, первыми физически депортированными советскими немцами стали все же не поволжские, а крымские. Их уже в конце августа в спешке вывозили из **Крыма** в Ростовскую обл. и в Орджоникидзевский край⁵⁰. Чисто юридически эта депортация, вероятно, имела видимость *эвакуации*, но несколько необычной эвакуации — по этническому признаку. Позднее — уже из Ставропольского края — их депортировали еще раз.

Практически сразу же вслед за Указом от 28 августа власти приступили к аналогичным репрессиям против немцев в других регионах страны. Первой в этой «региональной» серии стала операция по немедленному переселению немцев и финнов из Ленинградской обл. Подавляющее большинство тут составляли финны (89 из 96 тыс. чел.⁵¹). Переселили их из Ленинградской обл. — в Красноярский край и Новосибирскую обл. (по 24 тыс. чел.), Омскую обл. (21), Казахстан (15) и Алтайский край (12 тыс. чел.). Соответствующее донесение Сталину было датировано 29 августа⁵², а приказ по НКВД — 30 августа, после чего вал антинемецких операций покатился дальше.

В сентябре было еще три постановления ГКО: первое (от 6 сентября) было посвящено переселению немцев из *Москвы* и *Московской обл.* (8617 чел.) и *Ростовской обл.* (21 400 чел.) в Казахстан⁵³, причем городских жителей расселяли в городах, но не выше райцентра. Эта операция осуществлялась практически синхронно с выселением из Поволжья — между 10 и 20 сентября⁵⁴.

⁴⁹ См.: Чебыкина, 1999, с. 120–121.

⁵⁰ Бугай, 1995, с. 39–40.

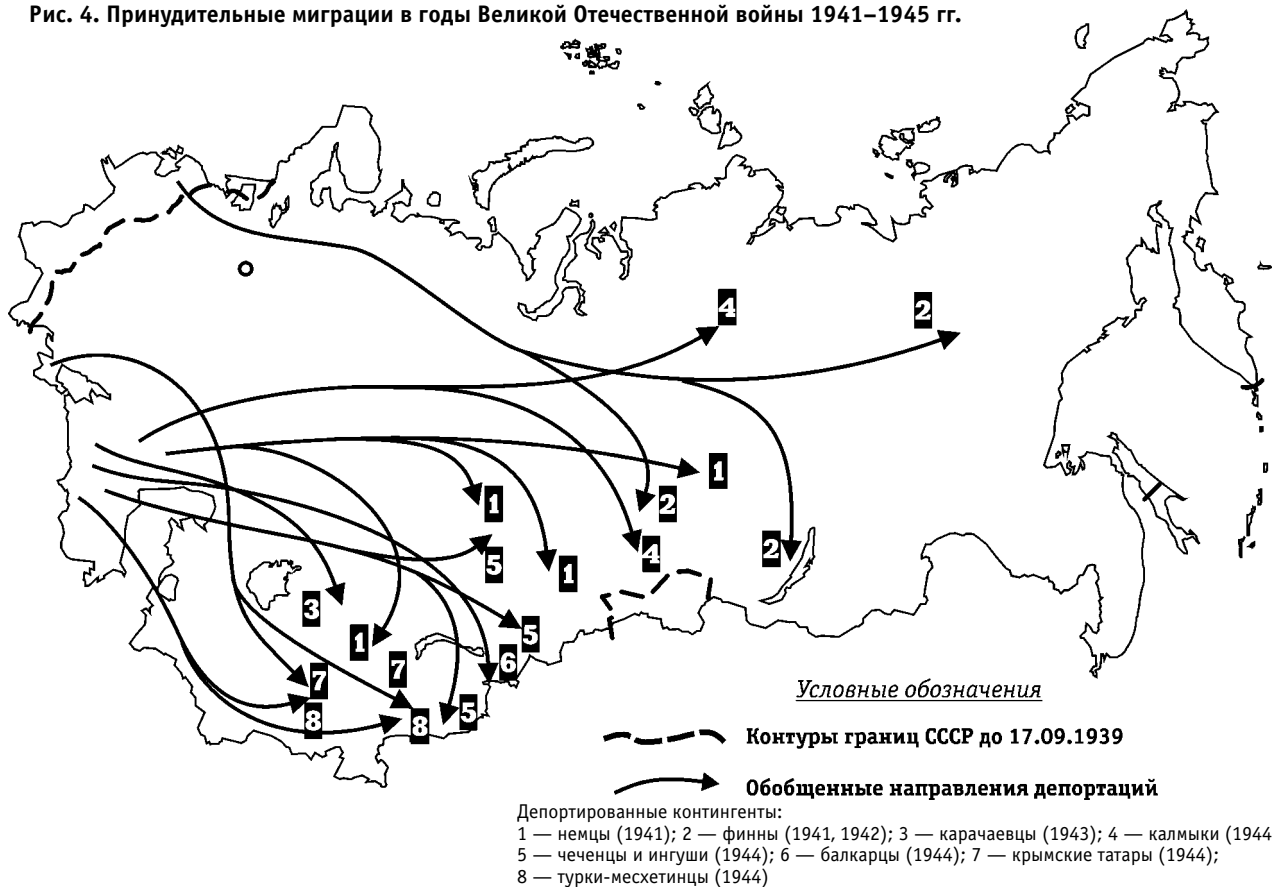
⁵¹ См.: Eisfeld, Herdt, 1996, s. 58.

⁵² См. донесение В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, А. Н. Косыгина и А. А. Жданова И. В. Сталину от 29.08.1941 (Известия ЦК КПСС. 1990. № 9.)

⁵³ По другим данным (Бугай, 1995, с. 44–45, табл. 2), немцы из Ростовской обл. поступали также в Новосибирскую обл. и Алтайский край.

⁵⁴ См.: Ауман, Чеботарева, 1993, с. 161–162, 164 (по данным Т. Н. Плохотник, между 15 и 20 сентября). При этом допустимый вес имущества и провизии составлял всего 200 кг (против 1000 кг в Поволжье).

Рис. 4. Принудительные миграции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Постановление от 21 сентября касалось немцев *Северного Кавказа* и *Тульской обл.* Выселению — в срок с 25 сентября по 10 октября — подлежали: в Орджоникидзевском крае — 95 489 (в Красноярский край), в Краснодарском — 34 287 (в Новосибирскую обл.), в КБ АССР — 5327, в СО АССР — 2929, в Тульской обл. — 3208 чел.⁵⁵

Постановление от 22 сентября было по *Запорожской обл.* (63 000 чел.), *Сталинской* (41 000) и *Ворошиловградской* (5487): всех выселяли в Казахстан, первыми — между 25 сентября и 2 октября — из Запорожской в Актюбинскую обл. (по пути их оставили в Астраханской обл. для строительства дороги), остальных — между 25 сентября и 10 октября — в Кустанайскую обл.⁵⁶ Добавим, что 8 сентября 1941 года Сталин распорядился и об «изъятии» *военнослужащих* немецкой национальности из действующей армии.

Еще три постановления ГКО вышли в октябре, из них два — датированы 8 октября. Первое посвящено немцам, высылаемым между 15 и 22 октября из *Воронежской обл.* в Новосибирскую и Омскую (5125 чел.), второе — немцам, высылаемым между 15 и 30 октября из *Закавказья* в Казахстан и Новосибирскую обл. (в том числе из Грузии — 23 580, Азербайджана — 22 741 и из Армении — 212 чел.). Отдельного постановления — от 22 октября 1941 года — удостоились *Дагестан* и *Чечено-Ингушетия*: соответственно, 4000 и 574 немцев оттуда выселялись между 25 и 30 октября в Казахстан⁵⁷.

Еще два распоряжения СНК аналогичного содержания вышли в ноябре — о переселении немцев из *Калмыцкой АССР* (2 ноября 1941 года) и *Куйбышевской обл.* (21.11.1941) в Казахстан и из пограничных районов в тыловые в пределах *Читинской обл.* (21.11.1941)⁵⁸. В марте 1942 года выселения немцев производились в *Харьковской*, *Крымской*, *Одесской*, *Днепропетровской*, а также в *Калининской обл.*⁵⁹

Таким образом, немцев в СССР депортировали практически отовсюду, откуда это было возможно по обстоятельствам войны. Все немецкое население, кроме доставшегося врагу, было вынуждено сконцентрироваться к востоку от Урала. К 25 октября 1941 года из 873 578 немцев, подлежащих выселению «по государственному заданию», действительно депортировано было 856 168, или 98%. К началу 1942 года на спецпоселении числилось 1031,3 тыс. немцев, из них 800 тыс. составляли те, кого депортировали из Европейской части СССР (почти поровну поделались они между Казахстаном и Сибирью), а 231,3 тыс. — «местные» немцы (те, кого депортации подвергать не стали)⁶⁰: переведя в спецконтингент, их физически не трогали, оставляли на месте. Всего же за 1941–1942 гг. было взято на учет 1 209 430 чел., из них 856 340 — переселенные «по государственному заданию», 48 001 — мобилизованные и 203 796 репатриированные

⁵⁵ См.: Ауман, Чеботарева, 1993, с. 164–165. Место высылки не указано.

⁵⁶ См.: Ауман, Чеботарева, 1993, с. 165. См. также: Бугай, 1995, с. 44.

⁵⁷ См.: Ауман, Чеботарева, 1993, с. 166–168 (по другим данным, между 22 октября и 10 ноября 1941 г.).

⁵⁸ Бугай, 1995, с. 45.

⁵⁹ Бугай, 1995, с. 45.

⁶⁰ Накануне войны на этих территориях проживало 226 тыс. немцев, из них большинство в Казахстане (92 тыс. чел.), в Омской обл. (59 тыс. чел.) и на Алтае (29 тыс. чел.). См.: Eisfeld, Herdt, 1997, с. 45–46.

(представляется, однако, что это скорее всего «местные»)⁶¹. Около 36,7% (444 005) разместились в Казахстане, из них «по государственному заданию» — 333 775 чел.⁶² (главным образом, в казахских, реже в русских или украинских колхозах). Таким образом, огрубленная оценка численности собственно **депортированных немцев** составила около 905 тыс. чел.

Существенным вопросом стало трудоустройство немцев в местах нового расселения. Одним из способов его «рационального решения» стала трудовая мобилизация немцев и формирование на время войны так называемой Трудовой армии⁶³, «бойцы» которой направлялись для трудоустройства в районы, как правило, удаленные от мест учета их семей на спецпоселении. Трудармейцы организовывались в рабочие батальоны с лагерным режимом и продовольственными нормами ГУЛАГа, что с самого начала до чрезвычайности напоминало позднейшую организацию трудоустройства совершенно других немцев, а именно: военнопленных, а также интернированных. Смертность среди трудармейцев была выше, чем просто на спецпоселении, хотя и оставленным без них немцам-старикам и детям приходилось очень тяжело в полугодных колхозах военного времени⁶⁴.

К формированию трудармии приступили еще в сентябре 1941 года, когда строительные батальоны НКВД были реорганизованы в рабочие колонны с казарменным проживанием и лагерным распорядком. За этими формированиями неофициально закрепился термин, ныне бытующий уже вполне официально: **«трудармия»**. Первыми «мобилизованными» в нее немцами стали отозванные из действующей армии немцы-красноармейцы. Их сначала зачисляли в спецпоселенцы, но не демобилизовывали, а направляли в «трудармию», сочетавшую в себе элементы военных формирований, трудовой деятельности и лагерного режима содержания⁶⁵.

К началу 1942 года трудармия насчитывала уже 20,8 тыс. немцев. Специальные постановления ГКО о мобилизации выселенного немецкого населения в трудовую армию от 10 января, 14 февраля и 7 октября 1942 года (а также от 26 апреля, 2 и 19 августа 1943 года)⁶⁶ придали этому совершенно новое измерение и означали практически сплошную «мобилизацию» трудоспособных немецких спецпоселенцев в трудармию. При этом если в первых двух случаях речь шла только о мужчинах от 17 до 50 (в первом случае — о депортированных, во втором — о «местных»), то в третьем — о мужчинах уже от 15 до 55 лет, а также о женщинах от 16 до 45 лет, кроме беременных и имеющих малолетних (до 3-х лет) детей. За неявку по мобилизации, отказ от работы или саботажи карали сурово, вплоть до расстрела.

Для многих это означало фактически вторую за короткий промежуток депортацию.

⁶¹ К концу войны на спецпоселении числилось уже 949 829 немцев, а за послевоенное время к ним прибавилось 120.192 чел. репатриированных (Земсков, 1990а, с. 8).

⁶² Бугай, 1995, с. 42, со ссылкой на: ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 641, л. 76; д. 83, л. 148.

⁶³ Официального употребления термин «трудармия» не имел, на основании чего член Коллегии Министерства юстиции СССР О. В. Бойков в датированной 20.09.1990 «Справке» отказал имевшему широкое хождение термину «трудармеец» в статусе особой категории работников (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 333–334).

⁶⁴ См.: Вылцан, 1995, с. 32–33, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 64, л. 271.

⁶⁵ См.: Чебыкина, 1999; Маламуд, 1999.

⁶⁶ См.: Ауман, Чеботарева, 1993, с. 168–175.

Первая мобилизационная «волна» (проводилась с 10 по 30 января) рассчитывалась на 120 тыс. чел. (из них 45 тыс. — для использования на лесозаготовках, 40 тыс. — на строительстве железных дорог и 35 тыс. — на строительстве Бакальского и Богословского заводов), вторая — на 40–45 тыс. чел., а третья — принесла 123,5 тыс. чел., в том числе 52,7 тыс. — женщин: немки направляли по разверстке Наркомнефти, а немцев (среди них преобладали, естественно, подростки 15–16 и мужчины 51–55 лет) — на предприятия трестов «Челябуголь» и «Карагандауголь».⁶⁷ Четвертая волна (с мая по сентябрь 1943 года) «нацедила» всего-навсего 5,3 тыс. мужчин и 9,8 тыс. женщин, причём под горячую руку забирали и беременных, и малолеток 14 лет, и стариков.

К началу 1944 года в рабочих колоннах НКВД числилось около 222 тыс. немцев-трудармейцев, из них 101 тыс. чел. трудились на стройках НКВД, а труд остальных использовался другими наркоматами. Ко времени ликвидации рабочих колонн (и, соответственно, лагерного режима) в январе 1946 года⁶⁸ через них прошло в общей сложности 316,6 тыс. советских немцев. Исходя из допущения, что по крайней мере треть из них принадлежала к контингентам демобилизованных из Красной Армии или «местных» и, следовательно, до этого не была затронута принудительными миграциями, мы получаем приблизительно суммарную оценку депортированных советских немцев, равную 1,05 млн. чел.

Статус же спецпереселенцев для всех советских немцев был еще раз подтвержден Постановлением СНК от 8 января 1945 года «О правовом положении спецпереселенцев» и Указом ПВС от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» (самовольный побег, согласно этому указу, карался 20 годами каторжных работ). Трудармия была ликвидирована в начале 1946 года, но «освободившиеся» при этом трудармейцы оставались прикрепленными к тем предприятиям, где они до этого работали, правда, с правом переехать в общежитие за зоной и выписать к себе семьи.

Отметим, что кроме немцев в трудармию мобилизовывались также **финны, румыны, венгры и итальянцы** — граждане СССР титульных национальностей противника: их общее число составляло около 400 тыс. чел., из них 220 тыс. использовалось в системе НКВД и 180 тыс. чел. — в других наркоматах⁶⁹.

Кроме немцев депортации превентивного характера подверглись также **финны-ингерманландцы**, в первый раз — напомним, выселенные из приграничных районов Ленинградской обл. и Карелии еще в 1935 году, а во второй — вместе с немцами —

⁶⁷ Постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии прибрежного лова рыбы в Белом и Баренцевом морях» и «О развитии промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» (октябрь 1942 г.) немцы привлекались на работу и в рыбные промыслы.

⁶⁸ См. Пр. НКВД № 3/0-39 от 5.01.1946 о ликвидации зон проживания мобилизованных для работы в нефтяной промышленности (*Бугай*, 1995, с. 55, со ссылкой на: *ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 148, л. 162*).

⁶⁹ *Кокурин*, 1995, с. 64. Отметим, что фактически трудармейцы находились на учете в ГУЛАГе, а не в Отделе спецпоселений НКВД.

выселенные из Ленинградской обл. в сентябре 1941 года. Но финнов тогда эвакуировали не всех, а оставшихся, по решению Военсовета Ленинградского фронта, выселяли из Ленинграда и его окрестностей в марте 1942 года, в частности 9 и 26 марта: так, с 27 по 29 марта 1942 года было выселено 3,5 тыс. семей, или около 9 тыс. чел.⁷⁰ Их направляли, в основном, в весьма отдаленные районы — в Иркутскую обл., Красноярский край и Якутскую АССР, многих использовали в рыболовецких колхозах на Лене и ее притоках. Финны при этом считались административно-высланными, и лишь после 29 декабря 1944 года они были поставлены на учет как спецпереселенцы⁷¹. 3 апреля 1942 года ГКО постановил очистить ряды действующей армии от финнов и перевести их в рабочие колонны НКВД.

По не вполне понятным причинам к числу превентивно депортированных народов были отнесены и **греки**⁷². Директивой Берии от 4 апреля 1942 года предписывалось очистить от иностранноподданных и от «антисоветских, чуждых и сомнительных элементов» города и районы традиционного проживания греков в Крыму и на Кавказе — Керчь, Темрюк, Таманский полуостров, Анапу, Новороссийск. Постановление ГКО от 29 мая 1942 года расширило этот список за счет Армавира, Майкопа, а также ряда районов и станций Ростовской обл. и Краснодарского края; кроме того, оно существенно обогатило и контингент высылаемых (в административном порядке) лиц — за счет внесения в их перечень, кроме немцев, еще и **греков-иностранноподданных, румын и крымских татар**⁷³.

С учетом этих контингентов, а также финнов, выселенных в 1941 году, и не-немецких трудармейцев, общее число превентивно-депортированных в 1941–1942 гг. можно оценить в 1,2 млн. чел.

Вместе с тем заметим, что в военное время линия фронта соответствует государственной границе, поэтому с некоторой долей условности превентивные депортации финнов, греков, румын, татар (и в гораздо меньшей степени немцев) можно рассматривать и как своего рода пограничные зачистки, предупреждающие нежелательные для «зачищающих» последствия.

Тотальные депортации «возмездия» народов Северного Кавказа и Крыма в 1943–1944 гг.

Последующие операции носили уже не профилактический характер, а были как бы акциями «возмездия» за совершенные или несовершенные в годы войны преступления против советского государства. Непосредственно они затронули еще шесть народов — карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев и крымских татар⁷⁴.

⁷⁰ По др. данным — около 40 тыс. финнов (см.: *Курапцева Н.* «...И Мухин, сын Суокаса» // Смена (Ленинград). 1991. 26 июня).

⁷¹ *Бугай*, 1995, с. 192.

⁷² *Земсков*, 1990а, с. 16.

⁷³ См.: *Коцонис*, 1997, с. 83–88.

⁷⁴ Тут, возможно, было бы уместно хотя бы в сноске упомянуть еще об одном вероятном депортационном замысле НКВД — датированном 22.06.1944 плане выселения всех проживавших под оккупа-

Еще в 1943 году вторыми и третьими (вслед за немцами) карающий удар органов НКВД/МГБ приняли **карачаевцы** (в ноябре) и **калмыки** (в самый канун Нового года).

Так, карачаевцы пострадали за то, что они (в указе сказано «многие карачаевцы») — вели себя «...предательски, вступали в организованные немцами отряды для борьбы с советской властью, предавали немцам честных советских граждан, сопровождали и показывали дорогу немецким войскам, наступающим через перевалы в Закавказье, а после изгнания оккупантов противодействуют проводимым советской властью мероприятиям, скрывают от органов власти бандитов и заброшенных немцами агентов, оказывая им активную помощь».⁷⁵

«Вина» же калмыков была в том, что они «...изменили Родине, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной Армии, предавали немцам честных советских граждан, захватывали и передавали немцам эвакуированный из Ростовской области и Украины скот, а после изгнания Красной Армией оккупантов организовывали банды и активно противодействуют органам советской власти по восстановлению разрушенного немецкого хозяйства, совершают бандитские налеты на колхозы и терроризируют окружающее население...».

Согласно Всесоюзной переписи 1939 года, на территории Карачаевской АО (в составе Орджоникидзевского края) проживало 75 763 карачаевца. С начала августа 1942 и по конец января 1943 года она находилась под оккупацией. Партизанское антигерманское движение было пресечено, чему активно способствовал и сотрудничавший с оккупантами так называемый «Карачаевский национальный комитет» (уже после ухода немцев, в январе-феврале 1942 года, этот Комитет организовал восстание против Советской власти в Учкуланском районе).

После того как Микоян-Шахар (современный Черкесск) и остальные районы области были освобождены, операциями по борьбе с антисоветскими партизанами (в частности, с «Балыкской армией» в верховьях реки Малки и др.) руководил лично заместитель Берии И. Серов. 15 апреля 1943 года НКВД и Прокуратура СССР издали совместную директиву, на основании которой 9 августа 1943 года за пределы области было выслано 110 семей (472 чел.) карачаевских «бандглаварей» и «активных бандитов» вместе с се-

цией украинцев, причем не из западных областей УССР, а из Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и др. (см.: Алиева, 1993, т. 3, с. 140–141, со ссылкой на: ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 70, спр. 997, арк. 91; к сожалению, уточнить даже название архива не удалось), а резонанс на этот, по праву претендовавший бы на подлинную сенсационность, документ отсутствует. В любом случае этот замысел в жизнь воплощен не был.

⁷⁵ Отдельным авторитетным исследователям проблемы депортированных народов такого рода «обоснований» показалось недостаточно, и они прибавили «от себя» сюрреалистический фактор предупреждения дезертирства карачаевцев из Красной Армии. Еще один «неотразимый» аргумент — немецкая агентурная сеть, насчитывавшая, по некоторым сведениям, до 1234 чел. на весь Северный Кавказ: даже из 302 вражеских парашютистов, зафиксированных Управлением НКВД по Ставропольскому краю, около 200 были карачаевцами. (См.: Бугай, Гонов, 1998, с. 121). Страшно подумать, что было бы, узнай Сталин и Берия, что среди «дезертиров» и «агентов» есть и представители русского народа!

мьями⁷⁶. Судя по этой «адресной» акции, направленной против конкретных врагов Советской власти и членов их семей, до осени вопрос о тотальной депортации народа в целом, возможно, еще и не стоял на повестке дня.

В сентябре же, по данным А. С. Хунагова, положение изменилось, и в Москве прорабатывался план тотальной депортации карачаевцев в Джамбульскую и Южноказахстанскую обл. Казахстана и Фрунзенскую обл. Киргизии⁷⁷. И наконец, в октябре первый «опыт» с адресной высылкой получил творческое развитие и был распространен на **весь карачаевский народ**. 12 и 14 октября 1943 года вышли указ и постановление о поголовном выселении карачаевцев, ликвидации Карачаевской АО и об административном устройстве ее территории. Вся территория области (9 тыс. кв. км) была поделена между самим Ставропольским краем (районы Зеленчукский, части Микояновского и Преградненского, Усть-Джегутинский и Мало-Карачаевский, позднее переименованный в Кисловодский), Грузией (Учкуланский и часть Микояновского районов) и Краснодарским краем (часть Преградненского района). 6 ноября 1944 года было принято Постановление СНК о порядке заселения бывшей Карачаевской АО. Со временем последовали и переименования карачаевских топонимов⁷⁸.

Для силового обеспечения депортации карачаевцев были задействованы войсковые соединения общей численностью в 53 327 чел.⁷⁹ Поскольку план по депортации рассчитывался на 62 842 чел., из них только 37 429 — взрослого населения, то на каждого взрослого безоружного карачаевца, включая женщин, приходилось чуть ли не по два вооруженных чекиста.

Большая их часть предназначалась к отправке в Казахстан и Киргизию. Сама же депортация состоялась 2 ноября 1943 года, и с учетом довыявленных план был даже перевыполнен: выселено 69 267 чел. В Казахстан было завезено 12 342 семей, или 45 501 чел., в основном в Южноказахстанскую и Джамбульскую обл. (25 212 и 20 285 чел.), еще 22 900 чел. привезли в Киргизию, кроме того небольшие группы — в Таджикистан, Иркутскую обл. и на Дальний Восток⁸⁰. Неприкрытой издевкой звучит следующая «статистика»: среди депортированных находилось 53 легализовавшихся бандита, 41 дезертир, 29 уклонившихся от призыва и 184 бандпособников⁸¹.

Впоследствии на месте было довыявлено и депортировано 329, а в других районах Кавказа еще 90 карачаевцев; кроме того, 2543 чел. было демобилизовано из Красной Армии: вместо дома они тоже попали в спецкомандатуры⁸².

Какая угроза советской власти исходила от карачаевских детей и карачаевских красноармейцев — бог весть, но одним из наиболее заслуженных специалистов в области

⁷⁶ Бугай, 1995, с. 61.

⁷⁷ См.: Бугай, Гонов, 1998, с. 127.

⁷⁸ В частности, Микоян-Шахар был первоначально переименован в Микояни, а затем в Клухори, каковое имя он и носил до своего переименования в Черкесск 8.01.1957.

⁷⁹ Бугай, Гонов, 1998, с. 128.

⁸⁰ Бугай, 1995, с. 62–66.

⁸¹ Бугай, Гонов, 1998, с. 128, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 9478, оп. 1, д. 229, л. 70.

⁸² Бугай, Гонов, 1998, с. 129.

№ 110/100^д
10.10.1943

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

«О ликвидации Карачаевской автономной области и об административном устройстве ее территории»

В связи с тем, что в границе существующих совхозно-колхозных административных территорий Карачаевской автономной области, многие карачаевцы вели себя предательски, возмущая в организационные моменты борьбы с советской властью, предательски бегли из рядов советской армии, сотрудничали и предавали врагу замаскированные рабочие, выступали через перевалы на Западном Кавказе, а также вступили в организацию преступников советской власти на территории, переходят от организации бандитов в Карачаевской автономной области, объявили на территории южной Грузии Президиум Верховного Совета СССР и с о с т а в л е н н ы е: Вслед за этим, проявлялись на территории области, переходят в другие районы СССР, в Карачаевскую автономную область ликвидировать.

Совету Народных Комиссаров СССР подолжит выработать в необходимых случаях законы и издавать их в соответствии с государственным законом по административному устройству.

2. В связи с ликвидацией Карачаевской автономной области:
а) Отменить в составе Ставропольского края Зельчукский, Юго-Донгульский и Мало-Карачаевский районы бывшей Карачаевской автономной области, выделив эти районы Ставропольскому краю по административному устройству существующим.

Мало-Карачаевский район переименовать в Каландарский районский район.

б) Включить Президиумский район бывшей Карачаевской автономной области в состав Шоталовского района, Краснодарского края - с Юга, Зюмды и Восток и существующий граждан, а на Севере определить восточную границу района по линии: начиная от селения Кумана, Краснодарского края, далее через хутора 1104, 1064, включая селение Круглый, хутора 1174, 1000, с западом по границе западной Карачаевской автономной области в районе хутора 1048.

Остаточную территорию Президиумского района со стороны Президиумской долины в состав Зельчукского района, Ставропольского края.

в) Переименовать часть Мезенского района бывшей Карачаевской автономной области в составе Грузинской ССР, образованная на указанных районах южной Кавказской долины с центром в г. Мюльбах-Штадт.

г. Мюльбах-Штадт переименовать в город Кудурт.
Готовность в Кудуртском районе существующую границу между РСФСР и Грузинской ССР: с Юго-Востока - по существующей границе с Мезенского района, далее на Восток - северные города Кудурт, и далее по реке Мира, включая селение Н. Мира, с западом по границе с Грузинской ССР, далее селения Н. Мира и далее по Ю по существующей восточной границе с Грузинской ССР.

Остаточную часть территории в северном хуторе с Мезенского района включить в состав Юго-Донгульского района Ставропольского края.

Президиум Президиума
Верховного Совета СССР - *М. Мухоморов*
(М. Мухоморов)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР - *А. Гуреев*
(А. Гуреев)

Исход. Тренин
12 октября 1943 г.
Л. № 800/1.

депортаций народов описанная выше многоходовая операция НКВД по депортации карачаевцев квалифицируется всего лишь как «*олицетворение административно-командной системы*» и как «*жесткая форма управления национальными группами и целыми народами*».⁸³ На наш взгляд, это чудовищное беззаконие и преступление против человечности, сродни тем, что рассматривались в далеком от Дзямбульской обл. Нюрнберге международным трибуналом.

Следующими в этой жестокой очереди стояли **калмыки**. Согласно переписи 1939 года, общая численность калмыков в СССР составляла 134 402 чел., кроме Калмыцкой АССР немало калмыков проживало в Сталинградской обл. и в Ставропольском крае. Были они, в основном, кочевниками и животноводами.

В начале августа 1942 года большая часть улусов (районов) Калмыкии, включая ее столицу — г. Элисту, была оккупирована. Около 25% населения ушло вместе со скотом за Волгу и в неоккупированные улусы. Освободили Калмыкию только в начале 1943 года.

Решение о депортации калмыков как «средства урегулирования межнационального конфликта» было ускорено обвинениями в сдаче в плен 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. 27–28 декабря 1943 года были издан Указ ПВС СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» и Постановление СНК о выселении калмыков в Алтайский и Красноярский края, в Омскую и Новосибирскую обл. На большей части территории бывшей Калмыцкой АССР была образована Астраханская обл.⁸⁴, по два района были переданы Сталинградской⁸⁵ и Ростовской обл.⁸⁶, один район — Ставропольскому краю⁸⁷, еще 211 га пастбищных угодий («Черные земли») перешли в пользование дагестанских колхозов. Сама Элиста была переименована в г. Степной. Позднее районы с калмыцким населением ликвидировались и в других местах, в частности, Калмыцкий район Ростовской обл. (9 марта 1944 года), Приютнинский район Ставропольского края, отошедший к нему при ликвидации Калмыцкой АССР (15 мая), 4 района в Астраханской обл. (25 мая). Их территория делилась между соседними районами, а калмыцкие названия большинства сельсоветов заменялись русскими.

Сама операция по депортации проводилась 28 и 29 декабря 1943 года под кодовым названием «Улусы». В ней участвовали 2975 офицеров НКВД, а также 3-й мотострелковый полк НКВД, ранее выселявший карачаевцев. Руководил операцией начальник УНКВД по Ивановской обл. генерал-майор гб Маркеев.

⁸³ Бугай, Гонов, 1998, с. 130. Исследователи склонны считать, что «...основой выселения граждан карачаевской национальности... явилось несогласие некоторой части населения с установками партии, неприятие ею коллективизации», а также частичная поддержка немецкого оккупационного режима». Спустя 55 лет после описываемых событий непогрешимость советской власти не подвергается даже сомнению!

⁸⁴ Она была составлена из быв. Кетченеровского, Черноземельского, Троицкого, Бстинского, Приволжского и Каспийского улусов.

⁸⁵ Быв. Молодербетовский и Сарпинский улусы.

⁸⁶ Быв. Западный и Яшалтинский улусы.

⁸⁷ Быв. Приютнинский улус.

Первым заходом было депортировано 91 919 чел., среди них много стариков и детей. За январь 1944 года к ним присоединилось еще 1014 чел. Между районами вселения они были распределены почти что поровну (данные на январь 1944 года): Омская обл. — 24 325, Красноярский край — 21 164, Алтайский край — 20 858 и Новосибирская — 18 333 чел. Больше половины калмыцкого контингента в Омской обл. было расселено в ее северных округах — Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Тобольском⁸⁸. Поскольку выселение происходило в самый разгар зимы, смертность при перевозке была чрезвычайно высокой⁸⁹. К тому же в местах вселения нередко вспыхивали эпидемии (сыпного тифа).

В 1944 году депортации калмыков продолжились за счет выселения тех, кто проживал вне КАССР. В марте их собирали в Ростовской обл. (2536 чел. отправили 25 марта 1945 года в Омскую обл.), в апреле — в Сталинградской обл. (1178 чел. отправили в Свердловскую обл. только 2–4 июня 1944 года). Порциями поступали и демобилизованные из армии — всего 4105 чел. (одним из них был поэт Давид Кугультинов)⁹⁰.

Труд калмыков использовался в сельском хозяйстве, на лесоповале, но чаще всего — в промышленном рыболовстве; их многовековой опыт в области животноводства, в особенности отгонного, оказался невостребованным.

В 1934 году Чеченская АО и Ингушская АО были объединены в единую Чечено-Ингушскую АО, в 1936 году преобразованную в Чечено-Ингушскую АССР. Ее территория практически не была под оккупацией⁹¹, так что обвинить ее народы в прямом предательстве было непросто. Поэтому официальным обвинительным мотивом в этом случае стало — «...активное и почти поголовное участие в террористическом движении, направленном против Советов и Красной Армии». В частности, утверждалось существование массовой повстанческой организации «Объединенная партия кавказских братьев» под водительством Х. Исраилова (Терлоева) и др.⁹²

В октябре 1943 года в республику для изучения ситуации ездил зам. наркома внутренних дел Б. Кобулов, а в ноябре того же года В. Чернышев (видимо, в разгар «занятий» калмыками) провел совещание с начальниками управлений НКВД тех регионов, куда выселяли калмыков. Он, в частности, обсуждал с ними вопросы, связанные с намечаемой операцией «Чечевица» — депортацией около 0,5 млн. **вайнахов (чеченцев и ингушей)**. 200 тыс. чел. планировалось расселить в Новосибирской обл., а еще по 35–40 тыс. чел. — в Алтайском и Красноярском краях и в Омской обл.⁹³ Но эти регионы, видимо, сумели уклониться, и в плане, представленном Берии в середине декабря, дислокация была совершенно иной, напоминающей «карачаевскую»: горцев распределяли между областями Казахстана и Киргизии.

⁸⁸ Бугай, 1995, с. 65–74, 88.

⁸⁹ Бугай, 1995, с. 79–80.

⁹⁰ Бугай, 1995, с. 74–77.

⁹¹ За исключением района г. Малгобек на севере республики, освобожденного 3.01.1943.

⁹² Бугай, Гонов, 1998, с. 135. См. также: Сидоренко, 2000, с. 57–76.

⁹³ Бугай, 1990б, с. 38.

29 января 1944 года Берия утвердил «Инструкцию о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей», а 31 января ГКО издал сразу два постановления, посвященных чеченцам и ингушам, но, правда, в завуалированном виде, не называя их по имени: первое — «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР», второе — «О порядке принятия на Северном Кавказе скота и сельскохозяйственных продуктов».

17 февраля 1944 года Берия доложил Сталину, что подготовка данной операции заканчивается и что на учет как подлежащие переселению взято 459 486 чел., включая проживающих во Владикавказе и Дагестане⁹⁴. В ходе первой же массовой операции (так называемой фазы «первых эшелонов») должно было быть отправлено 310 620 чеченцев и 81 100 ингушей.

20 февраля 1944 года, вместе с И. Серовым, Б. Кобуловым и С. Мамуловым, в Грозный приезжал Берия и лично руководил операцией, в которой были задействованы небывало крупные силы — до 19 тыс. оперативных работников НКВД, НКГБ и «СМЕРШ» и около 100 тыс. офицеров и бойцов войск НКВД, стянутых со всей страны для участия в «учениях в горной местности» (не в каждой фронтовой операции бывает столько бойцов!)⁹⁵. 22 февраля Берия встречался с руководством республики и высшими духовными лидерами, предупредил их об операции, намеченной на завтра, на раннее утро, и предложил провести необходимую работу среди населения⁹⁶.

В отличие от предыдущих, про эту операцию уже не скажешь, что она прошла без эксцессов: цифры 2016 арестованных и 20 072 изъятых единиц огнестрельного оружия говорят за себя. К «эксцессам» можно отнести и погоду: выпавший в горах снег затормозил выселение из горных районов. В частности, в Галанчжойском районе из-за снегопада депортация растянулась до 2 марта.

Тем не менее за 1-й день (23 февраля) было выселено 333 739 чел., из них 176 950 погружено в вагоны. К 1 марта было отправлено 478 479 чел., из них 387 229 чеченцев и 91 250 ингушей (было среди них и около 500 представителей др. народов, в основном, аварцев, выселенных по ошибке), около 6 тыс. чеченцев из-за снега застряли в горах в Галанчжойском районе.

Но никто не вправе был оставаться, поэтому в ряде сел войска НКВД фактически ликвидировали мирное население, в том числе и таким варварским способом как сожжение⁹⁷. Сравнительно недавно широкую огласку получила операция в ауле Хайбах Галанчжойского района: не будучи в состоянии обеспечить транспортировку его жителей, внутренние войска под командой генерал-полковника М. Гвишиани согнали около

⁹⁴ Бугай, 1995, с. 104, со ссылкой на: ЦХДРЧ, ф. 1, оп. 2, д. 64, л. 167. Некоторые районы, где проживали чеченцы-аккинцы, были присоединены к ДАССР еще в 1922 г.

⁹⁵ Бугай, 1995, с. 103–107. Точную цифру — 96 073 чел. — приводит В. П. Сидоренко (2000, с. 78, со ссылкой на: РГВА, ф. 38650, оп. 1, д. 607, л. 37–41).

⁹⁶ Согласно с этим партийно-советские работники и духовные лица «премировались» увеличением нормы разрешенных к вывозу вещей (см.: Вылцан, 1995, с. 37). Норма эта, кстати сказать, составляла в данном случае 500 кг на семью (Бугай, 1990б, с. 38.)

⁹⁷ Бугай, Гонов, 1998, с. 147.

200 чел. (по другим свидетельствам — 600–700 чел.) в колхозную конюшню, заперли их и подожгли; тех, кто пытался вырваться, расстреливали из автоматов. Расстреляли и жителей окрестных хуторов⁹⁸.

Последними — 29 февраля — родные места покидала национальная политическая элита ЧИАССР: отдельными эшелонами ее отправили в Алма-Ату⁹⁹.

Базовое Постановление ГКО о выселении чеченцев и ингушей датировано 31 января, соответствующий приказ НКВД — 21 февраля 1944 года. А 7 марта 1944 года Указом ПВС была ликвидирована и сама Чечено-Ингушская АССР, и на месте районов, населенных чеченцами, был создан Грозненский округ в составе Ставропольского края. В него вошло, однако, менее 2/3 бывшей территории АССР; одновременно в его состав добавили северо-восточные районы Ставропольского края, населенные ногайцами, даргинцами, кумыками (до 1937 года эти земли входили в Дагестан) и русскими. Позднее Грозненский округ был преобразован в Грозненскую область (с включением в ее состав бывшего Кизлярского округа).

Не включенная в Грозненский округ часть Чечено-Ингушетии — это ее бывшие западные и, отчасти, южные районы (то есть собственно Ингушетия), переданные Грузии и Северной Осетии, а также восточные и юго-восточные (в частности, Веденский, Ножайюртовский, Саясановский, Чеберлоевский в существовавших границах, а также, частично, Курчалоевский, Шароевский и Гудермесский районы), присоединенные к Дагестану.

Большинство районов, населенных **ингушами**, были включены в состав СО АССР, — за исключением Сунженского и Галашкинского (Ассинская долина) районов, включенных в Грозненский округ, а также южной части Пригородного района (Джераховская долина), отошедшей к Грузии (кстати, к Северной Осетии отошла и часть Курпского района Кабардино-Балкарии, где до депортации также проживали ингуши; еще раньше — Указом от 1 марта 1944 года — к Северной Осетии из Ставропольского края был отнесен город Моздок с русским населением). «Освободившиеся» после депортации земли заселены в основном осетинами из Грузии (в Пригородном районе)¹⁰⁰ и русскими (в Сунженском).

Соответственно, репрессированы были и все ингушские названия, их заменили осетинскими или русскими. Так, Указом ПВС РСФСР от 29 апреля 1944 года районы, отошедшие от Чечено-Ингушетии к Северной Осетии, были переименованы: а) Пседахский — в Аланский; б) Назрановский — в Коста-Хетагуровский; в) Ачалукский — в Нартовский (с переносом центра из с. Ачалуки в с. Нартовское — быв. Кантышево). Другим Указом ПВС РСФСР (от 30 августа 1944 года) переименованы были все районы и их центры в Грозненской обл.

⁹⁸ Первая комиссия по расследованию этой «операции» работала еще в 1956 г. М. Гвишиани, кстати, был награжден Орденом Суворова II степени. (См.: Казнь в колхозе имени Берии // Общая газета. 25 февраля — 3 марта 1999 г. № 8. С. 15.) В то же время в официальном отчете Гвишиани об операции в Галанчжойском районе говорится лишь о нескольких десятках убитых или умерших в пути (Сидоренко, 2000, с. 79–80, со ссылкой на: РГВА, ф. 38660, оп. 1, д. 1, л. 15).

⁹⁹ Бугай, Гонов, 1998, с. 147.

¹⁰⁰ Всего из осетинских районов в Грузии по разнорядке было переселено от 25 до 35 тыс. чел. Те, кто проработал на новом месте более пяти лет, получали казенную землю в свою собственность (Цуцнев, 1998, с. 72–73, со ссылкой на: Материалы по переселению осетин: Отчет о насильственных переселениях осетин. — Владикавказ: Северо-Осетинский институт государственных исследований, 1991, с. 7–9).

Подавляющее большинство вайнахских переселенцев было направлено в Казахстан (239 768 чеченцев и 78 470 ингушей) и Киргизию (70 097 чеченцев и 2278 ингушей). Районами сосредоточения чеченцев в Казахстане стали Акмолинская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Карагандинская, Восточно-Казахстанская, Семипалатинская и Алма-Атинская обл., а в Киргизии — Фрунзенская и Ошская¹⁰¹. Сотни спецпоселенцев, работавших на родине в нефтяной промышленности, были направлены на месторождения в Гурьевской обл.

Со временем в места спецпереселения потянулись дополнительные контингенты вайнахов, в частности осужденные (из СО АССР их перебросили в Карагандинский лагерь), демобилизованные¹⁰², проживавшие в городах Европейской части СССР, выявленные на Кавказе¹⁰³, уклоняющиеся, репатрианты¹⁰⁴ и др.

...Завершив операцию с чеченцами и ингушами, Берия и его свита не торопились покинуть Кавказ. Нет, не случайно кабардинец З. Д. Кумехов (1-й секретарь Кабардино-Балкарского обкома) 25 февраля 1944 года ездил в Грозный, где встречался с Берией, И. Серовым и Б. Кобуловым. Следующей на очереди была Кабардино-Балкария, вернее, ее горная южная половина — Приэльбрусье, где проживали **балкарцы**.

В вину этому народу Берия не нашел ничего лучшего как вменить неспособность защитить Эльбрус¹⁰⁵ и намерение объединить Балкарию с Карачаем. В августе 1942 года началась кратковременная немецкая оккупация части территории КБ АССР, а 11 января 1943 года она была уже полностью освобождена от немцев.

24 февраля 1944 года Берия предложил Сталину выселить балкарцев, а 26 февраля 1944 года он уже издал приказ по НКВД «О мероприятиях по выселению из КБ АССР балкарского населения»¹⁰⁶. К участию в операции было привлечено 4 тыс. оперативников и 17 тыс. военнослужащих войск НКВД. Руководил операцией генерал-майор И. И. Пияшев, его заместителями были генерал-майор М. И. Сладкевич и два местных наркома (госбезопасности и внутренних дел) — С. И. Филатов и К. П. Бзиава. Район выселения был поделен на 5 оперативных секторов — Эльбрусский, Чегемский, Хуламо-Безенгиевский, Черекский и Нальчикский.

¹⁰¹ *Бугай*, 1995, с. 107–108. Переселенными в др. среднеазиатские республики и в Восточную Сибирь и на Дальний Восток ввиду их незначительности можно пренебречь.

¹⁰² У всех бывших военнослужащих изымались военные билеты и заменялись временными справками; их направляли в Алма-Ату, в распоряжение отдела спецпоселений НКВД КазССР, дававшего им дальнейшие направления. Но в мае 1944 г. ок. 11 тыс. запасников — чеченцев, ингушей и карачаевцев — поступило в распоряжение УНКВД Ярославской и Ивановской обл. (*Бугай*, 1995, с. 109–111). Всего на спецпоселение из армии было принято ок. 157 тыс. чел. — представителей «наказанных народов», в том числе 5943 офицера, 20 209 сержантов и 130 691 рядовой (*Бугай*, 1990б, с. 41).

¹⁰³ В том числе 2741 чел. из Грузии, 121 из Краснодарского края и т. д. (*Бугай*, 1990б, с. 42).

¹⁰⁴ См. в главе 5.

¹⁰⁵ После освобождения Эльбрус на некоторое время был даже переименован в Иалбузи (груз.).

¹⁰⁶ Его полный текст см.: *Шабиев*, 1994, с. 47–51.

2 марта Берия (в сопровождении Б. Кобулова и С. Мамулова) и сам пожаловал в Нальчик, съездил к Эльбрусу. Он сообщил З. Д. Кумехову о намерении выселить балкарцев, а их земли передать Грузии, чтобы та могла иметь оборонительный рубеж на северных склонах Большого Кавказа; Кабарде же это было бы «компенсировано» землями Карачая и Черкесии.

5 марта вышло Постановление ГКО о выселении из КБ АССР. Днем начала операции установили 10 марта, но провели ее даже раньше: 8–9 марта. Провели, видимо, играючи: после Чечни и Ингушетии все показалось бы легкой прогулкой. За выселение 37 107 балкарцев Берия отчитался перед Сталиным уже 11 марта, а 14 марта — перед Политбюро ЦК ВКП(б), после чего, кстати, был снят З. Д. Кумехов.

8 апреля 1944 года вышел Указ ПВС о переселении балкарцев и переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР. Освободившиеся земли указано заселить «колхозниками из малоземельных районов Кабардинской АССР», то есть кабардинцами. Юго-западные районы республики (около 2 тыс. кв. км при общей площади в 12,5 тыс. кв. км) были переданы Грузинской ССР.

Вслед за административно-территориальными репрессиями последовали, по обыкновению, топонимические: 29 мая 1944 года вышел Указ ПВС РСФСР, согласно которому: а) Хуламо-Безенгиевский район переименован в Советский, его центр — с. Кашкатау — в с. Советское; б) перенесены центры: Нагорного района (из с. Каменноостское в с. Сармаково); Урванского района — из с. Ст. Черек — в рабочий поселок Докшукино (ныне г. Нарткала); Чегемского района — из с. Н. Чегем в Чегем I; в) ликвидирован Черекский район (его территория передана в Советский и Лескенский районы). Позднее (в декабре 1944 года) аналогичным Указом ПВС Грузинской ССР были переименованы 5 населенных пунктов в Земо-Сванетском районе, также образованном на землях, переданных из КБ АССР.

Общее число депортированных в местах вселения составило 37 044 чел. (не считая 562, умерших по дороге), направленных в Киргизию (около 60%) и в Казахстан. К октябрю их оставалось 33 100. Разницу следует списывать не только на смертность, но и на то, что среди балкарцев, как оказалось, было изрядно и кабардинцев, прихваченных с собой по оплошности (их, как правило, отправляли назад).

С 5 по 10 мая 1944 года было депортировано два десятка балкарских семей, проживавших на территории быв. Карачая (в то время Клухорского района Грузии).

А в мае-июне тучи сгустились и над кабардинцами. Так, в точном соответствии с «балкарским» сценарием, на 20 июня 1944 года была намечена высылка в Казахстан 2492 членов семей «активных немецких ставленников, предателей и изменников» из числа кабардинцев и, в малой доле, русских. После освобождения от переселения родственников служивших в Красной Армии и стариков старше 70 лет, оставшиеся 1672 кабардинца были депортированы в Джамбульскую и Южноказахстанскую обл.¹⁰⁷ Однако массовой депортации кабардинцев не последовало.

¹⁰⁷ Бугай, 1995, с. 216.

Зато разработка **крымских татар**, начатая еще в апреле 1944 года на Кавказе¹⁰⁸, была реализована сполна.

Немецкая оккупация Крыма продлилась с конца октября 1941 (Керчь и Севастополь продержались до мая и июля 1942 года) и до апреля-мая 1944 года. За это время немцами было уничтожено около 92 тыс. чел., или 10% населения полуострова. И коллаборационизм, и антинемецкое партизанское движение в Крыму были весьма сильными, причем как с той, так и с другой стороны было немало крымских татар¹⁰⁹.

13 апреля 1944 года, сразу же после освобождения Крыма, НКВД и НКГБ приступили к «очистке» его территории от антисоветских элементов. Практически это означало реальную угрозу поголовного выселения крымских татар. 10 мая — *«учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза»* — с письменным предложением о депортации к Сталину обратился Берия¹¹⁰. Вскоре Серов и Кобулов разработали план операции, намеченной на период с 18 по 22 мая. Никогда еще зазор между освобождением от оккупации и депортацией не был так короток: всего лишь месяц с небольшим.

Постановления ГКО о выселении крымско-татарского населения с территории Крымской АССР принимались 2 апреля, 11 и 21 мая 1944 года. Аналогичное постановление о выселении крымских татар (и греков!) с территории Краснодарского края и Ростовской обл. датировано 29 мая 1944 года. Во всех операциях в Крыму участвовало около 32 тыс. оперативников, офицеров и бойцов НКВД¹¹¹.

Основную операцию начали на рассвете 18 мая и провели за 3 дня. К 16 часам 20 мая было выселено 180 014 чел., из них 173 287 чел. были уже в пути¹¹². По окончательным данным из Крыма было депортировано 191 014 крымских татар (более 47 тыс. семей). В результате к лету 1945 года в Крыму оставалось всего 379 тыс. чел. (против 875 тыс. перед войной).

Около 37 тыс. семей (151.083 чел.) крымских татар увезли в Узбекистан: самые многочисленные «колонии» осели в Ташкентской (около 56 тыс. чел.), Самаркандской (около 32 тыс.), Андижанской (19 тыс.) и Ферганской (16 тыс. чел.) обл. Остальных рас-

¹⁰⁸ Об этом, в частности, свидетельствует датированное 5.04.1944 и направленное из Пятигорска указание начальника внутренних войск НКВД Северокавказского округа генерал-майора Головки и начальника его штаба полковника Табакова в Краснодар командиру 1-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД генерал-майору Ветрову (его часть предназначалась к переброске в Крым). Документ посвящен организации чекистско-войсковых операций и тактике боевых действий при ликвидации бандитизма в горных условиях и является, в сущности, попыткой обобщить опыт, накопленный на Кавказе, для его «грамотного» применения в условиях горного Крыма. См. также датированный июлем 1944 года проект «Указаний войскам, участвующим в операции по ликвидации бандитизма в горных районах Северного Кавказа», подготовленный за подписью начальника внутренних войск НКВД генерал-лейтенанта Шередеги («Бандиты стремились... сохранить фашистский порядок» / Публ. В. Б. Вепринцева и И. А. Мочалина // ВИЖ. 1996. № 5. С. 83–89, со ссылками на: РГВА, ф. 38650, оп. 1, д. 129, л. 1–8 и 71–86).

¹⁰⁹ См.: Некрич, 1978, с. 24–40.

¹¹⁰ Бугай, 1991г, с. 107.

¹¹¹ Бугай, 1991г, с. 110.

¹¹² Бугай, 1995, с. 152–153.

пределили на Урале (Молотовская и Свердловская обл., Удмуртская АССР) и в Европейской части СССР (Костромская, Горьковская, Московская и др. области, Марийская АССР).

Интересно, что первоначально Узбекистан давал согласие на прием у себя только 70 тыс. крымских татар¹¹³, но позднее ему пришлось «пересмотреть» свои планы и согласиться с цифрой 180 тыс. чел., для чего в республиканском НКВД был организован отдел спецпоселений, которому надлежало приготовить 359 спецпоселков и 97 комендатур. И хотя время переселения крымских татар, по сравнению с другими народами, было относительно комфортным, однако о том, каково пришлось им на новом месте, достаточно выразительно говорят данные о заболеваемости и высокой смертности: около 16 тыс. еще в 1944 и около 13 тыс. в 1945 году.¹¹⁴

До «топонимических репрессий» в Крыму дело дошло только в конце года. 20 октября 1944 года вышло Постановление Крымского обкома ВКП(б) о переименовании населенных пунктов, гор и рек татарского, греческого и немецкого происхождения, а 14 декабря¹¹⁵ — Указ ПВС РСФСР о переименовании 11 районов и райцентров Крымской области, согласно которому русскими были заменены все татарские, немецкие и почему-то даже крымчакские названия. До административного обозначения самого Крыма руки дошли еще позже: 30 июня 1945 года Указом ПВС Крымская АССР преобразована в Крымскую область в составе РСФСР.¹¹⁶ Указами ПВС от 21 августа 1945 и от 18 мая 1948 гг. (к годовщине депортации!) было переименовано, соответственно, 327 и 1062 крымско-татарских селения.¹¹⁷ В результате даже Ялта на время стала Красноармейском, а Ай-Петри — горой Петровской!

Отголоски «репрессивной топонимики» раздавались и позже: так, 14 января 1952 года Указом ПВС на территории Крымской области были переименованы еще и железнодорожные станции: вместо татарских им присвоили русские названия.

Превентивные принудительные депортации из Закавказья и другие депортации на заключительном этапе войны в 1944–1945 гг.

Массовые весенние выселения из Крыма в 1944 году могут рассматриваться не только как тотальная этническая депортация, но и как своего рода «пограничная зачистка». Ведь Крым — тоже земля пограничная. Именно о нежелательности такого этноса как крымские татары «на пограничной окраине Советского Союза» (выделено нами. — П. П.) писал Сталину Берия 10 мая 1944 года¹¹⁸.

¹¹³ См. в телеграмме А. Кобулова В. Чернышеву от 22.02.1944 (*Бугай*, 1995, с. 151).

¹¹⁴ *Бугай*, 1995, с. 156, 159. По другим данным (за период с 05.1944 и 01.1945) — 13 592 чел. (*Некрич*, 1978, с. 97)

¹¹⁵ По Некричу — 21.08.1945 (за № 619/3).

¹¹⁶ Годом позже, 25.06.1946, был принят закон ВС РСФСР об упразднении Крымской АССР и ее преобразовании в Крымскую область (С. М. Червонная пишет о законе ВС СССР от 26.06.1946 — см.: *Червонная*, 1994, С. 15).

¹¹⁷ См.: *Червонная*, 1997, с. 164–165.

¹¹⁸ *Бугай*, 1995, с. 149–150.

Сталин с этим, видимо, не спорил, а крепко и от души «погромил» народы **Крыма** и **Кавказа**, во многих сводках именуемые как «прочие». Среди попавших в немилость были и крымские **болгары**, проживавшие между Симферополем и Феодосией и виноватые уже тем, что жили и работали при немцах (*«активно участвовали в проводимых немцами мероприятиях по заготовке хлеба и продуктов питания для германской армии»*)¹¹⁹.

В течение мая-июня 1944 года из Крыма и с Кавказа было депортировано дополнительно около 66 тыс. чел., в том числе из Крыма — 41 854 чел. (среди них 15 040 советских греков, 12 422 болгар, 9620 армян, 1119 немцев, итальянцев, румын и пр.; их направляли в Башкирскую и Марийскую АССР, Кемеровскую, Молотовскую, Свердловскую и Кировскую обл., а также в Гурьевскую обл. Казахстана); кроме того — около 3,5 тыс. иноподданных с просроченными паспортами, в том числе 3350 греков, 105 турок и 16 иранцев (их направляли в Ферганскую обл. УзбССР)¹²⁰, из Краснодарского края — 8300 чел. (только греков)¹²¹, а из трех закавказских республик — 16 375 чел. (только греков)¹²². Из-за малочисленности «чаша сия» миновала караимов, кроме тех, кого под горячую руку увезли вместе с крымскими татарами¹²³.

Следующей жертвой геополитической концепции Сталина, не признававшего разницы между государственной границей и линией фронта, стала его собственная родина-мать — **Грузия**.

Начав в конце марта 1944 года с 608 курдских и азербайджанских семей (суммарно 3240 чел.) — жителей Тбилиси, переселенных внутри Грузинской ССР, в Цалкинский, Борчалинский и Караязский районы, особенно рьяно Сталин принялся за «мусульманские народы» Грузии, проживавшие близ советско-турецкой границы. Турция, все время державшая около 30 дивизий близ границы с СССР, если и внушала определенное беспокойство как потенциальный агрессор, то только не в это время. Тем не менее в очередной бериевской «справке-объективке», направленной Сталину, Молотову и Маленкову 28 ноября 1944 года, утверждалось, что население Месхетии, связанное «... с жителями Турции родственными отношениями, занималось контрабандой, проявляло эмиграционные настроения и служила для турецких разведорганов источников вербовки шпионских элементов и насаждения бандитских групп»¹²⁴.

Вопрос о переселении из приграничья с Турцией возникал еще весной 1944 года. Речь тогда шла примерно о 77,5 тыс. чел., которых намеревались выселить, можно сказать, по соседству — в районы Восточной Грузии. Но 24 июля 1944 года в письме Сталину Берия предложил переселить 16 700 хозяйств «турок, курдов и хемшилов» из при-

¹¹⁹ Из письма Берии Сталину от 29.05.1944 (*Бугай*, 1991г, с. 109). Кажется единственным из всех народов СССР, болгарам вменили в вину и то, что их угоняли в Германию!

¹²⁰ Основные депортации были осуществлены 27–28.06.1944 (см.: *Бугай*, 1995, с. 198–199).

¹²¹ Иностранцев или апатридов (*Бугай*, 1995, с. 198).

¹²² *Бугай*, 1995, с. 197–199.

¹²³ См.: *Бугай*, 1995, с. 201.

¹²⁴ *Бугай*, 1991г, с. 110.

граничных районов Грузии в Казахскую, Киргизскую и Узбекскую ССР¹²⁵. И 31 июля решение о переселении 76 021 турка (позднее к ним присоединилось еще 3180 чел. «отставших»¹²⁶), а также 8694 курдов и 1385 хемшилов — было принято. «Заменить» их должны были 7 тыс. крестьянских семей из малоземельных районов Грузии и 20 тыс. пограничников. Всей операцией, по приказу Берии, руководили А. Кобулов и грузинские наркомы госбезопасности (Рапава) и внутренних дел (Каранадзе).

Под турками (позднее азербайджанцами) здесь понимались **турки-месхетинцы**, жители грузинской исторической области Месхет-Джавახети. Их и их соседей (как и они, культурно «турецки-ориентированных») — **хемшилов** (армяне-мусульмане), а также **курдов** — выселили из Ахалцихского, Адигенского, Аспиндзского, Ахалкалакского и Богдановского районов Грузинской ССР, лишь отчасти расположенных вдоль советско-турецкой границы. Турки-месхетинцы проживали на территории, присоединенной к России по Андрианопольскому мирному договору 1829 года. Будучи грузинского происхождения (племена месхов), они весьма долгое время находились под турецким владычеством, в результате чего выработали турецкое самосознание, носили не грузинские, а турецкие имена и говорили на турецком языке, по вероисповеданию — мусульмане-сунниты. Этнически окрашенным репрессиям они уже подвергались в 1928–1937 гг., когда их принуждали менять национальность и брать грузинские фамилии.

Решение об их депортации было принято еще в июле, возможно с расчетом на то, чтобы успеть осуществить его до наступления зимы, но своевременному его выполнению препятствовало бездорожье, а завершение строительства железной дороги Боржом — Вале, по которой месхов впоследствии и увозили, потребовало дополнительного времени. Да и руководители Казахстана, обязанные обеспечить прием, ссылаясь на перегруженность иными контингентами, что называется, «взмолились о пощаде», но понимания в центре не нашли (хотя «плановое задание» Казахстану по туркам все-таки и сократили¹²⁷).

Тем не менее само выселение состоялось только глубокой зимой, спустя 3,5 месяца после издания указа и спустя два месяца после приказа НКВД о переселении. Оно началось утром 15 ноября 1944 года и продолжалось три дня: на сборы в каждом селении отводилось по два часа. Для его осуществления выделялось всего лишь 4 тыс. оперативных сотрудников НКВД. К 16 часам 17 ноября из Грузии уже было отправлено 25 эшелонов с принудительными мигрантами, среди них почему-то было и 2 вагона с цыганами¹²⁸.

Всего за три дня было выселено, по разным источникам, от 90 до 116 тыс. чел. В докладе Берии Сталину от 28 ноября фигурирует цифра 91 095 чел., а в докладе Чернышева и Кузнецова самому Берии приводится цифра 92 307 чел., из них мужчин — 18 903, женщин — 27 399, детей до 16 лет — 45 985 чел. Более половины (53 133) прибыли в Узбекистан, еще 28 598 — в Казахстан¹²⁹ и 10 546 чел. — в Кир-

¹²⁵ Бугай, 1995, с. 169, со ссылкой на: ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 66, л. 19.

¹²⁶ Бугай, 1995, с. 169, со ссылкой на: ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 573, л. 286.

¹²⁷ Бугай, Гонов, 1998, с. 214–215.

¹²⁸ Бугай, 1995, с. 175.

¹²⁹ Интересный случай на сей раз произошел с безотказным обычно Казахстаном. В сентябре 1944 г. его правительство, видимо, и так не справлявшееся с приемом всех прочих контингентов, попро-

гизию¹³⁰. Сферой их хозяйственного использования было преимущественно сельское хозяйство.

Путь из Грузии в Среднюю Азию продолжался как минимум три недели, там их ждали непривычные условия, плохая вода, иногда (как правило, в Узбекистане) — и эпидемии (сыпной тиф). На повышенной смертности этого контингента не могло не сказаться и то, что выселение проводилось зимой. Смертность, по неофициальным данным, составляла до $\frac{1}{3}$, по официальным — 11,8% (по состоянию на июнь 1948 года). Примечательно, что суммарная численность этого контингента неуклонно снижалась вплоть до конца 1940-х гг.

Поскольку госграница проходила и по Аджарии, то «зачистки» не миновали и ее. 9 августа 1944 года грузинские инстанции распорядились о выселении из приграничных районов Аджарской АССР 113 хозяйств, находившихся вблизи укреплений. Сама высылка осуществлялась 25–26 ноября, причем с частью высланных, а именно с грузинами-лазами (числом около 70), произошло невероятное: по ходатайству писателя-министра М. Ванлиши и по указанию Берии их разыскали и вернули в оставленные дома в родных селеньях!¹³¹

Столь же прозрачен и единственный политический резон: «зачистка приграничья», то есть проведение спецмероприятий по усилению границы и подготовка театра боевых действий (и, как правило, действий наступательных). Лишние глаза и уши при развертывании войск или строительстве укрепрайонов всегда нежелательны. Какого бы то ни было прагматического государственного смысла депортации из Южной Грузии не могли иметь, а ущерб от выдворения хозяйствовавших здесь людей достаточно очевиден.

А вот борьба с «оуновцами» (от ОУН — «Организации украинских националистов») и другими украинскими повстанцами на Западной Украине, начавшаяся в 1944 году немедленно после освобождения этой территории Красной Армией, только внешне носила характер пограничной «зачистки» (ожесточенное сопротивление было оказано также в Западной Белоруссии и Прибалтике, особенно в Литве). Это были самые настоящие войсковые операции, с победами и провалами, с тысячами убитых и раненых, и санкционированная 31 марта 1944 года депортация членов семей оуновцев была лишь одним из средств (заметим: одним из важнейших средств) в этой борьбе.

Первый эшелон на 200 семей оуновцев был подготовлен к отправке в Минский и Советский районы Красноярского края еще в апреле 1944 года, то есть даже раньше, чем началась депортация крымских татар. По некоторым данным, уже в 1944 году число депортированных из Западной Украины превысило 100 тыс. чел.¹³²

21 марта 1945 года председатель СНК Эстонии А. Вейнер обратился в Москву с предложением выселить из Таллина 700–750 чел. членов семей враждебного элемента¹³³.

силу у Москвы «повременить с поставкой новых народов на спецпоселение», на что, вместо согласия, получило существенное урезание квот (вместо 28 — всего 6 тыс. чел.).

¹³⁰ Бугай, 1995, с. 178.

¹³¹ См.: Бугай, 1995, с. 179–182.

¹³² Бугай, 1995, с. 204–209.

¹³³ Бугай, 1995, с. 219.

16 июня Берия распорядился о первой после 1941 г. высылке из Прибалтики: речь шла о 323 членах семей «бандглаварей и активных бандитов» из Литвы¹³⁴, а также о 6320 главарях и членах повстанческих групп (последних выселяли в Коми АССР, Молотовскую и Свердловскую обл.)¹³⁵.

Общее число граждан, депортированных в СССР в 1944–1945 гг., помимо наказанных депортированных народов, составило около 260 тыс. чел. Основные направления принудительных миграций в эти годы показаны на карте 3.2.1.

Компенсационные принудительные миграции в 1941–1946 гг.

С выдворением с обжитых мест целых народов рушился вековой уклад их общественной и хозяйственной жизни. Можно себе представить, каково было немецким, кавказским или калмыцким крестьянам в непривычных климатических и бесчеловечных бытовых условиях вписываться в новую для себя экономическую реальность жизни на чужбине, сердцевиной которой были лесоповал и добыча угля и других ископаемых. Но трагичной была и судьба их собственных земель, освоенных трудом многих поколений: фактически они выпадали из экономического оборота, а в условиях военной и послевоенной разрухи осваивать и поддерживать их было бы тем более тяжело.

Власти были вынуждены водворять в опустевшие районы, — и почти столь же насильственно, — так называемое «правовое население», находившееся, как правило, под рукой, по соседству. Инструментами его призыва могли быть плановое переселение, эвакуация, внутрирайонное переселение. Иными словами, речь идет об упомянутых в первой главе принудительных **компенсационных миграциях**.

Этих формально добровольных, но, по сути, именно принудительных мигрантов мы, может быть, и не вправе включать в общий зачет депортаций как таковых, но и упускать их из вида мы тоже не вправе. Если взять хотя бы 40-процентное соотношение этого, так называемого «правового населения», с количеством депортированного спецконтингента, то только для контингента «наказанных народов» мы получили бы еще около 840 тыс. чел.

Тут важно отметить, что практически все депортированные народы были преимущественно сельскими по характеру расселения и аграрными по структуре занятий. Самыми «урбанизированными» среди них, по состоянию на 1 января 1939 г., были крымские татары (доля городского населения — около 28%) и немцы (около 20%), у остальных же народов эта доля не превышала 3–8%. Поэтому поддержание хозяйственного профиля оставшихся без присмотра земель и оставленных ими (фактически экспроприированных государством) домов и построек, скота и хозяйственного инвентаря подразумевали прежде всего сельскохозяйственного пользователя.

¹³⁴ Бугай, 1995, с. 215.

¹³⁵ Бугай, 1995, с. 219.

Впервые с этой проблемой столкнулись еще до войны, в связи с депортацией корейцев, а в военное время — в Поволжье. В тех районах, откуда — и, в сущности, в разгар уборочной — выселили **немецкое** население, наблюдался спад хлебозаготовок. Уже в сентябре 1941 года, по разверсткам ЦК ВКП(б), началось заселение освобождающихся территорий жителями прилегающих областей и эвакуированными из западных районов страны (тем самым использовалась возможность несколько сократить плечо эвакуационных потоков). Переселенцы и эвакуированные перемешались, к наспех создававшимся колхозам переходило имущество немецких крестьян, нередко были случаи его разграбления.

Первоначально планировалось переселить в покинутые немецкие села 17,4 тыс. русских из соседних сел для ухода за скотом и охраны имущества выселяемых¹³⁶, а затем подселить еще 52 тыс. чел. из числа выселяемых из прифронтовой полосы. В марте 1942 года было санкционировано дополнительное переселение сюда 6 тыс. семей из Тамбовской, Воронежской, Орловской и Пензенской обл. К лету потребность в людях была удовлетворена на $\frac{4}{5}$, но урожай 1942 года не составил и $\frac{1}{3}$ от плана, зима 1942–1943 гг. была голодной. В 1943 году, когда фронт покатился на запад, начался массовый отток «переселенцев» на места старого проживания. В марте 1944 года приняли решение о переселении в область еще 19 600 семей, но реально остались всего лишь 4200 семей. Всего за период между сентябрем 1941 и маем 1945 гг. на земли быв. АССР НП было переселено около 18 тыс. хозяйств, но лишь около 37% из них закрепилось и не уехало. В экономическом плане эксперимент был крайне неудачным¹³⁷.

Аналогичным образом «осваивались» и **карачаевские**, и **чеченские**, и остальные земли и селения (только балкарские селения, по крайней мере расположенные в высокогорье, в основном были фактически заброшены¹³⁸). Так, в декабре 1943 года на территорию Клухорского района, образованного в составе Грузии из бывших Учкуланского и части Микояновского районов Карачая, было переселено 2115 грузин.¹³⁹

И в случае Чечено-Ингушетии «в прорыв» были брошены преимущественно соседи, главным образом, осетины, дагестанцы и русские (из Кизляра и Ростовской обл.). Тем не менее в целом заселение проходило вяло, оставленные дома и хозяйственные постройки быстро разрушались, 42 села пустовали (полностью или частично). По усредненным оценкам, количество вселяемых составляло до 40% от числа выселенных, но на территории Чечено-Ингушетии это соотношение было даже ниже: к маю 1945 года здесь разместилось 10 200 новых хозяйств — против 28 375 до выселения¹⁴⁰. Секретарь Грозненского обкома ВКП(б) Чеплаков просил Москву доприслать к нему еще 5 тыс. семей и главным образом из поволжских областей.

¹³⁶ На имущество переселенцы получали «приемные квитанции», справедливо названные ими «филькиными грамотами». См. образец в: Ауман, Чеботарева, 1993, с. 163.

¹³⁷ См.: Силаева, 1991; Бугай, 1995, с. 258–259; Бугай, 1999.

¹³⁸ Некрич, 1978, с. 117.

¹³⁹ Некрич, 1978.

¹⁴⁰ Бугай, 19906, с. 43, со ссылкой на: Архив Чечено-Ингушского обкома КПСС, ф. 220, оп. 1, д. 21, л. 4об., 6, 9, 14, 22–23, 76.

Особенно большой ущерб понесло сельское хозяйство, прежде всего отгонное животноводство, а также горное террасное земледелие. Скот высланных при депортации оставляли на месте¹⁴¹, а потом... тоже депортировали, но в другом направлении, передавая колхозам таких регионов, как, например, УССР, Ставропольского края, Воронежской, Курской и Орловской обл. Эта операция сопровождалась, разумеется, большим падежом скота.

Однако выселение чеченцев резко отрицательно сказалось не только на сельском хозяйстве, но и на промышленности бывшей республики. Как показал Н. Бугай, невыполнение планов трестом «Малгобекнефть» и сокращение добычи нефти в 1944 году есть прямое следствие депортации чеченцев¹⁴².

Рассмотрим более подробно компенсационные переселенческие потоки из Дагестана. На включенной в состав Дагестана территории быв. Ч.-И. АССР (площадью 2,7 тыс. кв. км) было образовано 4 новых района с другими (за исключением одного) названиями — Андалалский (райцентр в с. Андалалы), Веденский (с. Ведено), Ритлябский (с. Ритляб) и Шурагатский (с. Шурагат); кроме того, за счет присоединенной территории была увеличена площадь Ботлихского и Цумадинского районов Даг. АССР. Внутри прежних границ Дагестана Ауховский район (в котором до выселения жили чеченцы-аккинцы) был переименован в Новолакский (с центром в с. Новолакское); при этом часть его территории (два сельсовета) была передана в состав соседнего Казбековского района.

В эти опустевшие районы СНК Даг. АССР обязан был до 15 апреля 1944 года переселить 6300 хозяйств колхозников из горных районов Дагестана¹⁴³. Хозяйства колхозников-переселенцев освобождались от государственных денежных налогов, страховых платежей и поставок государству всех сельскохозяйственных продуктов до 1946 года включительно¹⁴⁴.

Однако руководство республики этот план выполнило уже в первую пятидневку переселения (25–30 марта 1944 года), то есть через неполный месяц после выселения чеченцев. К 10 августа было переселено (в том числе и из аварских селений в Грузии) в общей сложности 16 100 хозяйств, или приблизительно 62 тыс. чел. Переселением был охвачен 21 горный район Даг. АССР, причем 144 аула было переселено полностью, а 110 — частично. Кроме того, в июле из Грузии было переселено 700 хозяйств проживающих там аварцев¹⁴⁵. Так что общее число дагестанцев, переселенных на бывшие чеченские земли, было не менее 65 тыс. чел., что фактически составляло около $\frac{1}{5}$ части

¹⁴¹ Вместо коров и овец на руки выдавались квитанции о количестве сданного скота, однако в местах вселения соответствующих фондов не было, и надеяться на «отоваривание» там квитанций не приходилось.

¹⁴² Бугай, 1990б, с. 43–44.

¹⁴³ Согласно постановлению СНК от 9 и 11.03.1944. По другим данным, планировалось переселить 5000 хозяйств из Дагестана, 3.000 из Северной Осетии и 500 из Грузии (Бугай, Гонов, 1998, с. 202).

¹⁴⁴ ЦГА Даг. АССР, ф. Р-168, оп. 35, д. 25, л. 318.

¹⁴⁵ См. в докладной записке СНК Даг. АССР председателю СНК РСФСР и наркому земледелия СССР (ЦГА Даг. АССР, ф. Р-168, оп. 35, д. 21, л. 89, 191, 150 — нам сообщено Ш. Мудуевым).

тогдашнего населения горной зоны Дагестана. Столь значительного выхода представителей народов Дагестана за пределы традиционного этнического ареала история еще не знала.

Около 55 тыс. дагестанских переселенцев были размещены в 4 районах, присоединенных к Даг. АССР, и более 10 тыс. — в предгорных и на равнинных землях внутри прежних границ Дагестана. В трех районах на присоединенной к Дагестану территории (Веденском, Андалалском и Ритлябском) были чересполосно размещены андийцы, годоберинцы, чамалалы, тиндалы, хваршины, цезы, бежтинцы, гинухцы, ахвахцы, катаринцы и **аварцы** из Ботлихского, Цумадинского, Цунтинского, Ахвахского, Кахибского, Тлярantinского, Гумбетовского, Чародинского, Хунзахского, Гунибского, Буйнакского и Унцуккульского районов (более 40 тыс. человек). В эти же районы были переселены бежтинцы, гинухцы и аварцы, до 1944 года жившие в Кварельском районе Грузинской ССР (более 3 тыс. чел). И, наконец, в четвертом (Шурагатском) районе были расселены **даргинцы** из Акушинского, Сергокалинского, Левашинского, Дахадаевского и Кайтагского районов (более 10 тыс. человек)¹⁴⁶. Что касается 10 тыс. внутриреспубликанских переселенцев, то ими стали около 7 тыс. **лакцев** из Кулинского и Лакского районов, переселенные на земли бывшего Ауховского района, и около 3 тыс. аварцев из Казбековского района, переселенные в населенные пункты двух сельсоветов, переданных в Казбековский район из быв. Ауховского района (начиная с 1957 года им придется столкнуться с давлением чеченцев, в чьи дома они въехали).

Вайнахские названия переселенческих населенных пунктов в новых районах были изменены. Как правило, они назывались именами аулов выхода переселенцев (Кидири, Шапих, Хушет, Хварши, Акнада, Бежта, Ратлуб, Сулевкент, Мулебки, Герга и др., часто с приставкой «Новый»), но иногда им присваивали и новые названия (Киров-Аул, Первомайск, Красноармейск и др.). Этнический состав многих переселенческих населенных пунктов был смешанным, но в них резко ускорились ассимиляционные процессы, причем консолидирующими этносами для большинства были аварцы, а также даргинцы.

Несмотря на внушительные цифры, переселение дагестанцев в новые районы было отнюдь не добровольным. В аулы приезжали представители района и военные, собирали сельские сходы и объявляли о решении переселиться на новые места, где колхозники будут жить «зажиточно и богато». И в тот же день в движение приходила длинная вереница подвод и телег переселенцев, направлявшаяся по горным тропинкам и дорогам в соседнюю Чечено-Ингушетию, в заранее расписанные и строго предписанные чеченские села.

После переселения горцы из Дагестана (особенно те, кого разместили в равнинной зоне Чечни) оказались в новых природно-географических, социально-культурных и этнических условиях. Традиционный уклад жизни был разрушен, климатические условия отличались от привычных. Из-за болезней и эпидемий (главным образом, малярии, дизентерии и др.) очень высокой была смертность (по устным свидетельствам, в первые

¹⁴⁶ Рассчитано Ш. Мудуевым по материалам ЦГА ДАССР (ф. Р-168, оп. 35, д. 22, л. 51, 53; ф. Р-411, оп. 3, д. 1, л. 29, 93; д. 47, л. 61).

два года погибло около $1/4-1/5$ переселенцев). Дагестанцы адаптировались с трудом, и часть из них пыталась возвратиться назад, но их задерживали и отправляли обратно. Некоторые из старых аулов специально разрушались, чтобы пресечь поток «возвратников» (особенно много аулов было разрушено в Цунтинском районе). Тем не менее в 1957 году, когда уже реабилитированные чеченцы и ингуши стали возвращаться на свои земли, большинству пришлось вторично и спешно переселяться (и, как правило, если не в города на равнине, то в те же самые родные, частично уже разрушенные аулы). При этом время совместного проживания с вернувшимися на свои земли чеченцами (временно безработными и агрессивными) бесконфликтным или хотя бы бескровным тоже не назовешь¹⁴⁷.

Призыв «принять участие в восстановлении крымских здравниц» зазвучал в советской пропаганде сразу же вслед за освобождением **Крыма** от оккупации. Депортация крымских татар, греков, болгар и армян наполнила его подлинным народнохозяйственным смыслом. Уже в сентябре-октябре 1944 года туда приехало более 17 тыс. семей колхозников, преимущественно из Украины. Однако и животноводство, и виноградарство, и табаководство, и другие виды хозяйствование в благодатном при татарах Крыму требовали навыков, которых у переселенцев не было. Весной 1945 года положение примерно 65 тыс. новых жителей Крыма стало критическим и вызвало мощный отток переселенцев из Крыма: так, к апрелю 1946 года (несмотря на постановление о беспорном взыскании с «обратников» всех ссуд и кредитов), из Крыма выехала 11 381 семья, в то время как въехала всего одна тысяча семей. К 1 июля 1948 года из Крыма выехало 52,5% семей, завезенных в него начиная с 1944 года. Так или примерно так происходило и в других случаях, когда в ареале расселения большого или малого этноса в связи с его внезапной депортацией образовывался хозяйственный вакуум. И не случайно, что, по данным ВПК на начало 1950 года, именно в Саратовской и Крымской обл. был зафиксирован наибольший механический отток населения¹⁴⁸.

Среди обезлюдивших регионов оказалась и Калининградская обл. — часть Восточной Пруссии, присоединенная к СССР и включенная в состав РСФСР. Потребность в рабочей силе и просто в населении стояла там с необычайной остротой. Было издано специальное постановление СМ СССР о добровольном переселении в Калининградскую обл. 12 000 семей колхозников.

8 сентября и 14 октября 1946 года С. Круглов направлял Сталину, Берии и Жданову сводки о выполнении этого постановления. По состоянию на 1 сентября было переселено 2990, а на 1 октября — уже 8795 семей колхозников (см. табл. 8). Бросается в глаза мощный рывок, сделанный в октябре 1946 года Белоруссией.

¹⁴⁷ См.: Прокуменщиков, 1997, с. 48–52.

¹⁴⁸ Силаева, 1991.

Таблица 8. Количество «добровольных» переселенцев в Калининградскую область (по состоянию на 1.09.1946 и 1.10.1946)

Регионы	Количество семей	
	факт	план
Белорусская ССР	1459/0	2500
Воронежская обл.	621/151	900
Курская обл.	511/199	900
Брянская обл.	466/152	500
Ульяновская обл.	400/135	400
Новгородская обл.	400/130	400
Кировская обл.	394/263	400
Великолукская обл.	386/100	400
Владимирская обл.	339/156	400
Горьковская обл.	334/143	400
Мордовская АССР	319/122	300
Псковская обл.	300/145	300
Калининская обл.	282/130	400
Пензенская обл.	280/109	500
Рязанская обл.	275/136	400
Московская обл.	273/106	400
Ярославская обл.	260/121	300
Тамбовская обл.	260/128	400
Чувашская АССР	252/156	400
Костромская обл.	229/108	300
Орловская обл.	214/120	300
Куйбышевская обл.	207/111	200
Калужская обл.	186/96	300
Марийская АССР	139/70	200

Примечание. В числителе — данные за 1.10.1946, в знаменателе — за 1.09.1946.

Источник: ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 139, л. 104-105, 194-197. См. также: Шендерюк М. Г. Кто они — первые переселенцы в самую западную? / Тезисы докладов и сообщений VI конференции Ассоциации «История и компьютер» (Звенигород, 26 марта — 29 марта 1998 г.). Инф. бюлл. № 23. Март 1998 г. — М.: Мосгорархив, 1998. С. 142–144.

Этнические и иные депортации после окончания Второй мировой войны в 1949–1953 гг.

Примечательно, что и после окончания войны, когда, казалось бы, все причины и поводы, выдвигавшиеся в обоснование депортаций, утратили силу, репрессивные миграции хотя и ослабли, но с завидной последовательностью продолжались.

Впрочем, первые 1,5–2 года после победы представляли собой как бы передышку, но не забудем, что именно на это время легла основная часть работы с теми непосредственно «поставляла» война — с военнопленными вражеских армий, с «вестарбайтерами» — гражданскими лицами немецкой национальности и, конечно же, с собственными гражданами-репатриантами¹⁴⁹: после «филтрации» многих из них направляли и препровождали на спецпоселение.

Идея «репатриации» показалась привлекательной и во внутрисоюзном масштабе: в 1946 году инициативы по «исправлению перегибов» прошлого и возвращению тех или иных категорий депортированных контингентов назад отмечались на уровне союзных республик. Так, 16 марта председатель СНК ЛатвССР Лацис и секретарь ЦК КП(б) Латвии Калнберзин обратились к Молотову с письмом о необходимости возвращения на родину из ссылки латышей, служивших в вермахте; его поддержал Круглов, предложивший распространить эту инициативу на Литву, Эстонию и Молдавию и даже подготовивший соответствующий проект постановления СМ¹⁵⁰. 9 июля 1946 года с письмом к Берии обратился и секретарь ЦК КП(б) Грузии Чарквиани: он просил о переводе репатриантов — грузин, армян и азербайджанцев — из лагерей в отдаленных местностях СССР на аналогичные работы в Грузию, Армению и Азербайджан. К 14 августа был даже подготовлен проект соответствующего постановления СМ¹⁵¹, но Берия, судя по всему, все эти начинания не поддержал.

Репрессивная политика, в том числе и принудительные переселения, вновь активизировались в 1947 и заметно усилились в 1948 году. Исключительно важное значение имел Указ ПВС от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». На лиц, еще отбывавших наказание в особых лагерях и тюрьмах, по истечении их сроков автоматически накладывалось новое наказание: ссылка на поселение на такие «курорты», как Колыма, Сибирь (Красноярский край и Новосибирская обл. — но не южнее 50 км к северу от Транссиба) и Казахстан (кроме Алма-Атинской, Гурьевской, Южно-Казахстанской, Актюбинской, Восточно-Казахстанской и Семипалатинской обл.).

Крайне существенно, что этот указ наделялся **обратной силой** и распространялся и на тех, кто уже успел освободиться из тюрем и лагерей в интервале между окончанием

¹⁴⁹ См. подробно об этом контингенте в гл. 5.

¹⁵⁰ См.: «Особая папка» Берии, 1996, с. 31, со ссылкой на: ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 145, л. 386–392. Сведениями о том, было такое постановление принято или нет, мы не располагаем.

¹⁵¹ См.: «Особая папка» Берии, 1996, с. 91, со ссылкой на: ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 149, л. 200–207.

войны и выходом указа (решения по таким лицам принимались Особым совещанием при МГБ). Именно этот указ и привел к повторным посадкам многих репатриантов, уже искупивших, казалось бы, свою «вину» перед Родиной. Повторные аресты начались уже с осени 1948 года.¹⁵²

Постановлением СМ от 22 февраля 1948 года предусматривалось выселение из ряда областей европейской части СССР тех, кого в свое время в эти регионы уже депортировали¹⁵³. К переселению в Сибирь и Казахстан намечалось в общей сложности 82,5 тыс. чел., наиболее крупные контингенты находились в Тульской (17 906), Вологодской (10 297), Костромской (9055) и Московской (8297) обл.; в то же время около 80 тыс. чел., находившиеся в Башкирской, Марийской и Удмуртской АССР, в Архангельской, Кировской и Чкаловской обл., к переселению не намечались. Однако на местах это решение встретило известное сопротивление, сначала прокатилась волна отсрочек по его выполнению, а к лету 1948 года эта операция, можно сказать, захлебнулась¹⁵⁴. Совершенно очевидно, что тут после долгого перерыва вновь отчетливо столкнулись интересы центра и регионов, крайне незаинтересованных в потере опытных кадров и ухудшении своего трудового баланса (судя по документам, на областном уровне активнее других свои интересы отстаивало руководство КФАССР¹⁵⁵).

В июне 1948 года впервые гонениям подверглись «**тунеядцы**», или, иными словами, колхозники, не вырабатывавшие обязательного минимума трудодней, что трактовалось как уклонение от трудовой деятельности в сельском хозяйстве. Согласно Указу ПВС от 2 июня 1948 года «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой повинности и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни», право выносить приговоры было впервые предоставлено простому большинству таких «инстанций», как общее собрание колхозников или сельских сход; общественный приговор представлялся сельсоветом и утверждался райисполкомом. Уже в 1948 году по этому указу без суда и следствия и на спецпоселение сроком на 8 лет выслали (как правило, за Урал) более 27 тыс. чел.¹⁵⁶ Всего за 1948–1953 гг. число так называемых «указников» составило 33 266 чел.¹⁵⁷

Как известно, население аннексированных после войны территорий противилось политике советизации, в том числе и с оружием в руках. Борьба с вооруженным сопро-

¹⁵² *Иванова*, 1997, с. 66–67. Текст указа см. в: *Зайцев*, 1993, с. 46.

¹⁵³ *Бугай*, 1995, с. 224, со ссылкой на: *ГАРФ*, ф. 9479, оп. 1, д. 371, л. 4.

¹⁵⁴ *Бугай*, 1995, с. 224, со ссылкой на: *ГАРФ*, ф. 9479, оп. 1, д. 436, л. 38–39. Тем не менее отдельные операции проводились, например переселение в апреле 1951 г. нескольких сот крымских татар из Горьковской обл. в Узбекистан (*Бугай*, 1995, с. 245).

¹⁵⁵ См., например, возражения против запланированного вывоза из республики 600 «власовцев» в Кемеровскую обл. (февраль 1947 г.): «Особая папка» Берии, 1996, с. 165, со ссылкой на: *ГАРФ*, ф. Р-9401, оп. 2, д. 176, л. 48–54.

¹⁵⁶ *Бугай*, 1995, с. 235. По др. данным — 23 тыс. чел. (*Иванова*, 1997, с. 63, со ссылкой на: *ЦАОДМ*, ф. 203. оп. 1, д. 116, л. 10). В связи с крестьянством упомянем и осужденных по Указу от 4.06.1947 о хищениях государственного и общественного имущества. Формально к депортированным их не причислишь, но их доля в числе осужденных (от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ их ежегодного числа), да и само их количество (1950 г.: 117 641 чел.; 1951 г.: 97 583 чел.; 1952 г.: 103 161 чел.) весьма выразительны (*Иванова*, 1997, с. 62).

¹⁵⁷ *Бугай*, 1995, с. 236.

тивлением советской власти в послевоенные годы, конечно, не могла обойтись без такого испытанного средства, как депортации членов семей противников. Начали, естественно, с Западной Украины и Литвы, где сопротивление было особенно ожесточенным. В частности, продолжились депортации оуновцев из западных районов Украины. К середине ноября 1947 года оттуда было депортировано около 75 тыс. чел.¹⁵⁸

Согласно постановлению ВС от 21 февраля 1948 года, спецпоселению подлежали семьи литовских бандитов и националистов, находившиеся на нелегальном положении, а также их пособники и кулаки с семьями. Контрольная цифра намеченных к «изъятию» составляла 12 134 семьи, или около 48 тыс. чел. Местами вселения планировались Красноярский край, Иркутская обл., Бурят-Монгольская и Якутская АССР, местами трудоустройства — главным образом лесозаготовительные предприятия. Операция, под кодовым названием «Весна», была проведена 22 мая, начавшись в Вильнюсе и Каунасе в полночь, а в уездах — в 4 часа утра. Всего было депортировано 49 331 чел.¹⁵⁹

Постановление СМ от 29 января 1949 года санкционировало новую операцию по изъятию приблизительно 100–150 тыс. «буржуазных националистов» и членов их семей, замаскированную под плановые военные учения. На сей раз охватывалась вся Прибалтика, а самой операции, обещавшей быть втрое масштабнее прошлогодней «Весны», присвоили не менее романтичное кодовое название «Прибой». Об ее серьезности и масштабности говорит уже количество привлеченного личного состава МГБ и местного совпартактива — более 76 тыс. чел. (такой массовости со стороны выселяющих не было, кажется, со времен депортации чеченцев и ингушей!).¹⁶⁰

Операцию провели повсеместно и одновременно — 25 марта 1949 года. К 18 часам 28 марта было фактически арестовано 29 687 семей, или 89 874 чел.¹⁶¹ В общей сложности (с учетом довыселенных) всего в марте 1949 года было депортировано 30 630 семей, или 94 779 чел., из них мужчин — 25 708, женщин — 41 987 и детей — 27 084 чел. Их распределение между республиками выглядело так: из Латвии — 13 624 семей (42 149 чел.), из Эстонии — 7488 семей (20 173 чел.) и из Литвы — 9518 семей (31 917 чел.).¹⁶² Направлялись они в Иркутскую (25 834 чел.), Омскую (22 542 чел.) и Томскую обл. (16 065 чел.), в Красноярский край (13 823 чел.), Новосибирскую (10 064 чел.) и Амурскую обл. (5451 чел.) и др.¹⁶³

¹⁵⁸ Бугай, 1995, с. 236.

¹⁵⁹ Бугай, 1995, с. 226–229, со ссылками на: ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 427 и 569; ф. Р-8131, оп. 32, д. 7351; ф. 9401, оп. 1, д. 2949.

¹⁶⁰ Планирование и общее руководство операцией было возложено на начальника Главного управления внутренних войск МГБ генерал-лейтенанта П. Бурмака (подробнее см.: Стродс, 1999; Чебриков, 1996).

¹⁶¹ Стродс, 1999, с. 133, со ссылкой на: РГВА, ф. 38650. оп. 1, д. 408, л. 124.

¹⁶² Бугай, 1995, с. 230–231, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 235, л. 27, 35. По данным справки председателя КГБ В. М. Чебрикова, представленной 23.09.1988 в Комиссию ПБ ЦК КПСС о репрессиях 1930–50-х гг., эта сумма (правда, за 1941–1953 гг.) несколько меньше — 195 707 чел. (Чебриков, 1996).

¹⁶³ Бугай, 1995, с. 231–232; Стродс, 1999, с. 134.

Всего же за 1940–1953 гг. из Прибалтики на спецпоселение было отправлено 203 590 чел., в том числе 118 599 чел. из Литвы, 52 541 чел. из Латвии и 32 540 из Эстонии¹⁶⁴.

В первой половине 1950 года, согласно постановлению СМ от 29 декабря 1949 года, высылке в Хабаровский край — причем с формулировкой «навечно» — были подвергнуты и «бывшие прибалты» — кулаки и обвиненные в бандитизме (с семьями) и репрессированные за антисоветскую деятельность, из Пыталовского, Печорского и Качановского районов Псковской обл.: эти районы до 1940 года, согласно Тартускому договору, входили в состав Эстонии¹⁶⁵.

Несколько ранее, постановлением от 6 октября 1948 года, в «кулацкий» контингент Томской обл. было добавлено еще около 1100 чел. из Измаильской обл.¹⁶⁶. А в конце 1948 года новая волна депортаций подобралась к Молдавии.

12 октября министр внутренних дел Молдавской ССР Ф. Я. Тутушкин поставил перед центром вопрос о выселении в отдаленные районы 15 тыс. кулацких семей — в крайнем случае и самое малое 5 тыс. семей особо враждебных кулаков. Ко 2 декабря были подготовлены и разбиты на категории списки на 33 640 чел., в том числе на 9259 глав семей; к середине февраля 1949 года число занесенных в эти списки достигло 40 854 чел., в том числе 11 281 глав семей. И только после этого, в середине марта, в Центр была направлена совместная просьба Бюро ЦК ВКП(б) по Молдавии, ЦК КП(б) и СМ Молдавии разрешить выселение кулаков, бывших помещиков, крупных торговцев, активных пособников немецких оккупантов и деятелей профашистских партий в количестве 39 091 чел. Просьба была услышана: 6 апреля 1949 года Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило Постановление СМ о выселении с территории Молдавии 40 850 чел. из 11 280 семей. Для проведения операции, названной руководством МВД СССР «Юг», было создано 8 оперативных секторов¹⁶⁷.

11 июня МВД издал приказ о порядке приема, перевозки, расселения и трудоустройства лиц, высланных из Молдавии. В операции «Юг» было задействовано более 21 тыс. чел.¹⁶⁸; она началась в 2 часа ночи 6 июля и закончилась в 8 часов вечера 7 июля. Выпавшие в эти дни ливни стали помехой ее проведению, но «смыть» приказ Центра они не смогли. Собранный спецконтингент разместили в 1573 вагона, сведенные в 30 эшелонов: их «пассажирами» стали 11 253 семьи, или 35 796 чел. (9684 мужчин, 14 033 женщин и 11 899 детей). Спустя 2–3 недели их доставили «на места» — в Курганскую, Тюменскую, Иркутскую и Кемеровскую обл., в Алтайский и Хабаровский края и в Бурят-Монгольскую АССР.¹⁶⁹

¹⁶⁴ По данным справки, составленной 16.12.1965 зам. начальника 2-го управления МВД СССР Кардашовым (см.: Бугай, 1995, с. 232, со ссылкой на: ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 109, д. 195, л. 52, 53).

¹⁶⁵ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 641, л. 386 об. Н. Ф. Бугай приводит другую дату — первая половина 1949 г. Бугай, 1995, с. 243, 244.

¹⁶⁶ Бугай, 1995, с. 236.

¹⁶⁷ Пассат, 1994, с. 38–39; Бугай, 1995, с. 239.

¹⁶⁸ В частности, 4495 оперативников, 13 774 военнослужащих МГБ и 4705 советско-партийного актива (Пассат, 1994, с. 42).

¹⁶⁹ Пассат, 1994, с. 41–45. Впоследствии к итогам операции неоднократно возвращались, находя их, ввиду непрекращающегося «бандитизма» в республике, неудовлетворительными. Еще 9.06.1952 Л. И. Брежнев, в то время 1-й секретарь ЦК КП(б) Молдавии, ставил перед центром вопрос о необходимости довыселить еще 3 тыс. чел., но разрешительной санкции на этот раз не последовало.

17 мая 1949 года ЦК ВКП(б) принял очередное решение о **греках** (греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство). Это мотивировалось целями «очистки» Черноморского побережья РСФСР и Украины, а также Грузии и Азербайджана в целом от «политически неблагонадежных элементов». Их предлагалось сослать на вечное поселение, расселить и трудоустроить в Южноказахстанской и Джамбульской обл. Казахстана под надзором МВД¹⁷⁰. Переселение осуществлялось в июне 1949 года, всего было депортировано 57 680 чел., в том числе и 15 485 дашнаков¹⁷¹.

Тогда же, летом 1949 года, с территории Грузии, Армении и Азербайджана, а также с украинского и российского (северо-кавказского) побережья Черного моря были выселены небольшие группы армян-дашнаков, турецких и греческих граждан, а также турок и греков без гражданства и бывших турецких и греческих граждан, принятых в советское гражданство¹⁷². В местах вселения (Узбекистан, Казахстан, Киргизия) турки-османы, как правило, смешивались с турками-месхетинцами и практически растворились в них.

Всего же, по данным В. Н. Земскова, в середине 1949 г. численность спецпоселенцев, выселенных навечно из Прибалтики, Молдавии и с Черноморского побережья превышала 170 тыс. чел. и составляла, по состоянию на 15 июля 1949 года, соответственно, 91 204, 34 763 и 57 246 чел.¹⁷³

Депортации продолжились и в 1950-х гг. Так, в марте 1951 года из Таджикистана в Кокчетавскую обл. Казахстана было выселено 2795 басмачей и членов их семей¹⁷⁴. В начале 1951 года продолжилась «чистка» территории Грузии, в частности, от иранцев: их переселяли в Джамбульскую и Алма-Атинскую обл. Несколько позже (в конце года) выселению из Грузии подверглись ассирийцы и прочие «враждебные элементы»¹⁷⁵.

Не упускались из виду и аннексированные территории. Так, постановления СМ, принятые в январе-марте 1951 года, предусматривали дальнейшее выселение кулаков с семьями из Западной Украины и Западной Белоруссии, а также выселение из Литвы — в Иркутскую обл. — бывших военнослужащих армии Андерса, репатриированных из Англии.

Кроме того, изо всех аннексированных территорий высылались «сектантские элементы», в вероучении и пропаганде которых власти усматривали антисоветчину. В частности, активной и последовательной разработке подвергались члены секты «иеговистов», став очередной коллективной мишенью органов госбезопасности. В октябре 1950 года тогдашний министр внутренних дел Абакумов докладывал Сталину соображе-

¹⁷⁰ Коцонис, 1997, с. 85–87. С собой дозволялось брать личные ценности, скарб и пищу из расчета не более 1 тонны на семью.

¹⁷¹ Бугай, 1995, с. 241.

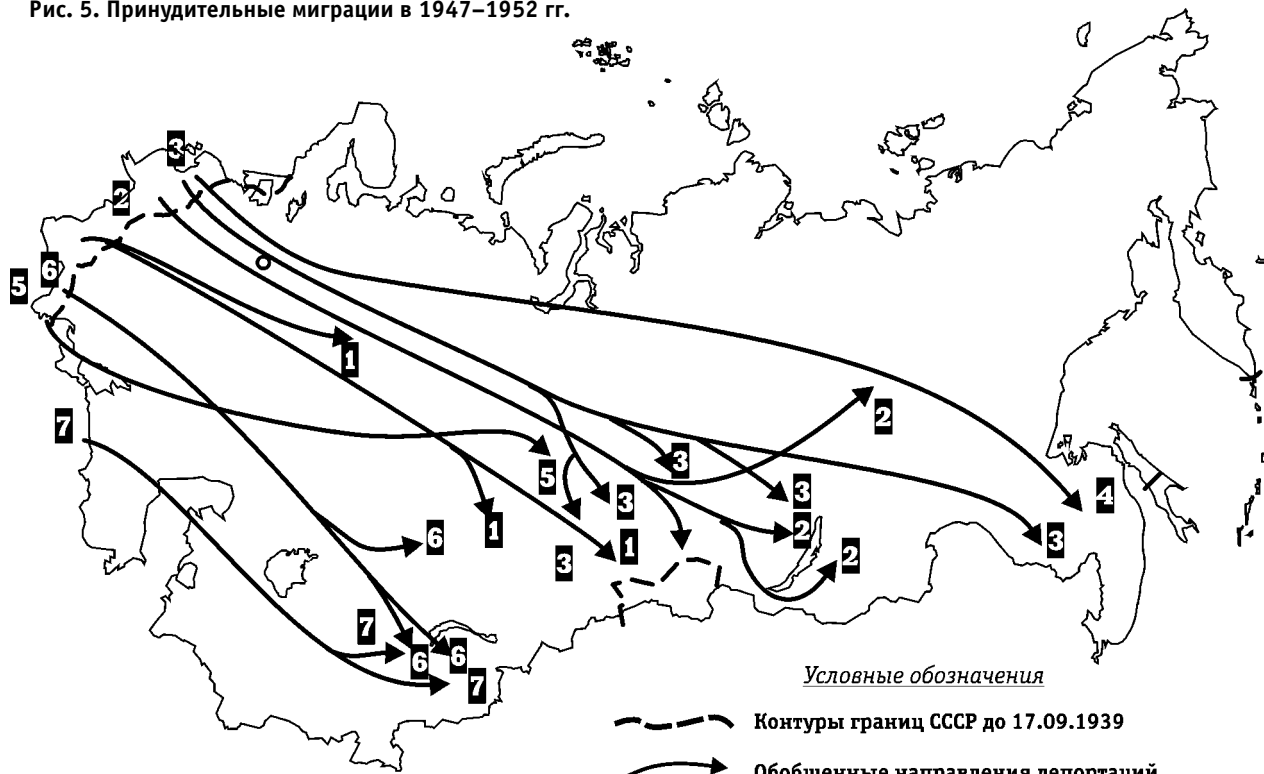
¹⁷² Бугай, Гонов, 1998, с. 222.

¹⁷³ Земсков, 1990а, с. 12.

¹⁷⁴ Бугай, 1995, с. 244–245.

¹⁷⁵ Бугай, 1995, с. 244.

Рис. 5. Принудительные миграции в 1947–1952 гг.

Условные обозначения

--- Контурь границ СССР до 17.09.1939

➔ Обобщенные направления депортаций

Депортированные контингенты:

1 — «Оуновцы» из 3. Украины (1947–1948); 2 — литовцы (1948); 3 — прибалты (1949);
4 — из Пыталовского района Псковской области (1949); 5 — из Измаильского района
(1948); 6 — из Молдавии (1949); 7 — с Черноморского побережья (1949)

ния об их депортации: тот предложил запланировать это на март-апрель 1951 года. 3 марта соответствующее решение принял СМ, а 6 марта соответствующий приказ издал МГБ СССР; 24 марта СМ МолдССР принял постановление «О конфискации и реализации имущества выселяемых с территории Молдавской ССР».¹⁷⁶ Операция «Север» была начата в 4 часа утра 1 апреля 1951 года и закончена 2 апреля. В ее проведении участвовало около 2600 чел., и примерно столько же было на этот раз депортировано: 732 семьи, 2619 чел., из которых $\frac{2}{3}$ составляли женщины и дети. Местом депортации для них была назначена Томская обл. «Иеговистов» из других западных районов СССР, кроме Томской, высылали также в Иркутскую обл.

Новые десятки тысяч раскулаченных, по постановлению от 5 сентября 1951 года, поступили на спецпоселение в Тюменскую обл., Красноярский край, в Казахстан и Якутию из Прибалтики (16 833 чел.), Правобережной Молдавии (9727 чел.) и Западной Украины и Западной Белоруссии (5588 чел.)¹⁷⁷. Весной 1952 года принимались отдельные постановления по кулакам из Западной Белоруссии: по одному из них 18–22 апреля 1952 года была проведена операция по выселению в Иркутскую обл. и Казахстан приблизительно 6 тыс. чел.¹⁷⁸

По-видимому, в тот же ряд, что и «тунеядцы», должны быть поставлены и выселенные по Указу ПВС от 23 июля 1951 года за бродяжничество и попрошайничество. Еще более поздней операцией, по-видимому, могла стать депортация евреев из центральных и западных районов, осуществиться которой, по слухам, помешала только смерть Сталина, — но прямых документальных свидетельств о ней до сих пор не выявлено¹⁷⁹.

Таким образом, общее количество депортированных в послевоенные годы, по имеющимся данным, может быть оценено примерно в 380–400 тыс. чел. География их выселения (см. карту 3.6.1) во многом напоминала структуру последнего военного двухлетия, но при этом акцент был как бы перенесен из Закавказья на закрепленное Потсдамским миром западное приграничье. В то же время определенный сдвиг произошел и в географии вселения: так, все более и более заметную роль начала играть Восточная Сибирь и, в особенности, Красноярский край и Иркутская область, тогда как роль Казахстана и Узбекистана значительно ослабла.

¹⁷⁶ *Пассат*, 1994, с. 52–53.

¹⁷⁷ *Бугай*, 1995, с. 234, 245.

¹⁷⁸ *Бугай*, 1995, с. 249.

¹⁷⁹ Типичную подборку весьма правдоподобных косвенных свидетельств см., например, в: *Бар-Селла З., Шрайман Т., Топоровский Я.* Последняя тайна режима // *Окна* (Иерусалим). — 7–13.12.1995. — С. 4–6. Публикация вызвала большой резонанс и большую читательскую почту, полную аналогичных косвенных свидетельств.